
Алиса Северина
СПЯЩИЕ
У КРАЯ ТЬМЫ

Алиса Северина

Спящие. У края тьмы

«Автор»
2026

Северина А.

Спящие. У края тьмы / А. Северина — «Автор», 2026

После событий у Вэла Резан собирает в Тал-Рохе тех, кому больше некуда идти. Здесь Спящих учат владеть силой и возвращаться из Нитевого слоя живыми. Резан хочет дать им то, чего был лишён сам: право не прятаться и не служить чужой воле.Но новые разломы открываются не случайно. Кто-то связывает их в единую сеть — и, если его не остановить, бедствие не ограничится одним городом или побережьем. Людям нужна помощь Спящих, а власти и Церковь всё настойчивее спрашивают, кто будет ими распоряжаться. Чем больше людей собирается вокруг Резана, тем труднее отделить защиту от власти над теми, кого он взялся защищать.Когда-то Орден Эрры умел удерживать мир у края тьмы. Резану предстоит решить, что из его наследия стоит вернуть — и какой Орден он готов построить для тех, кого считает своим народом.

© Северина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Карта и пульс 6
Глава 2. Белая вода 14
Глава 3. Ривс, где вода помнит 21
Глава 4. Старый 25
Глава 5. Люди у воды 29
Глава 6. Живые нити 34
Глава 7. Седьмая точка 44
Глава 8. Гольн, где замолчало море 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Спящие. У края тьмы

Глава 1. Карта и пульс

Дождь лил третьи сутки — мелкий, упрямый, превращавший дорогу в вязкую грязь. Дерево потемнело, дым стлался между домами. Тал-Рох в такую погоду становился меньше: дома пригибались к земле, голоса стихали, даже вороны садились ближе к трубам. За северной кромкой леса чаще выходили звери из тонких мест: следы на размокшей тропе расплывались за час, а крик в тумане слышали позже, чем надо.

Резан стоял под навесом у старого амбара и смотрел, как двенадцатилетний мальчишка пытается удержать нить.

Мальчишку звали Хейс. Он был из северной деревни, куда церковные дознатчики доехали только через два года после первых слухов: пришли за одной женщиной, нашли пятерых детей с узлами и два десятка взрослых, которые были готовы драться вилами за своих. Дознатчики сожгли сарай, забрали женщину, одного подростка и ушли до рассвета: снег пошёл стеной, и они спешили, пока не замело дорогу. Через неделю Хейс добрался до Тал-Роха босиком, с обмороженными пальцами и словами: «Я не хочу, как они. Научите».

Сейчас у него дрожали руки.

Перед ним на сырой земле лежал тонкий железный прут — старый гвоздь без шляпки. Простая вещь. Никакой магии. Но если удержать нить правильно, металл должен был хотя бы на палец сдвинуться в сторону.

Прут не двигался.

— Не тащишь, — произнёс Резан. — Слушаешь и ведёшь.

— Я и веду, — огрызнулся Хейс сквозь зубы. — Он просто... не идёт.

— Потому что ты злишься.

— А если я всегда злой?

— Тогда всегда будет тяжелее.

Хейс шумно выдохнул, сжал кулаки, потом заставил себя разжать. Глянул исподлобья.

— У тебя получается, когда ты злой.

— У меня получается, когда страшно, — ответил Резан. — Это другое.

Пауза.

За навесом в лужах отражалось серое небо. На стене амбара висела свежая доска с выжженным знаком: три языка пламени. Символ Церкви. Кто-то ночью оставил. Не угроза, не прямое обещание — напоминание. Мы рядом. Мы помним.

В Тал-Рохе к таким напоминаниям уже привыкли. Как привыкают к боли в старом переломе: она не мешает жить каждую минуту, но заставляет делать каждый шаг с оглядкой.

— Ещё раз, — сказал Резан.

Хейс закрыл глаза.

На секунду Резан увидел его нити: тонкие, быстро пульсирующие, как у птицы. Рваные в узлах, но живые. Нить от правого запястья тянулась к железному пруту, дрогнула, соскользнула, вернулась. Прут дёрнулся.

На толщину ногтя.

Хейс открыл глаза.

— Было?

— Было.

— Ты видел?

— Я видел.

Мальчишка улыбнулся, и в этой улыбке на миг исчезло всё, что заставляло его казаться старше своих двенадцати лет: он просто сумел то, чего не мог вчера.

А потом Хейс покачнулся.

Резан подхватил его за плечо — рука мальчика была горячей, как при лихорадке. Нити вокруг его запястья пульсировали с перебоем, а узлы на коже налились тёмно-синим, почти чёрным. Перегрев. Не опасный — пока. Но достаточный, чтобы Марга потом ругалась шёпотом, а Хейс несколько часов не мог удержать в пальцах даже ложку.

— Сиди, — сказал Резан. — Дыши ровно.

Хейс мотнул головой, но сел. Дышал он так, будто бежал, а не сидел на месте.

Резан кивнул и уже хотел сказать что-то ещё, когда за его спиной знакомый голос произнёс:

— Если продолжишь в таком темпе, через месяц у нас будет десять Спящих, способных сдвинуть гвоздь. И ни одного, кто не развалится на первом серьёзном узле.

Тэй подошла бесшумно, как всегда. Волосы перехвачены полоской кожи, на рукаве свежий след глины.

Иногда Резан всё ещё ловил себя на том, что смотрит на неё глазами Ирзы: пятая запись, женщина, ушедшая через дверь, запертую изнутри. Живая Тэй плохо помещалась в несколько строк старого журнала.

— Утешила, — бросил Резан.

— Я не утешаю. Я считаю.

Она перевела взгляд на Хейса.

— Перерыв. Иди к Марге, пусть посмотрит руку.

— Она не болит.

— Значит, ещё хуже. Иди.

Хейс скривился, но пошёл.

Тэй проводила его взглядом.

— Трое с утра с похожим. Вариантов два: либо я недооцениваю, как быстро они выгорают, либо где-то рядом фон поднялся.

Резан посмотрел вслед Хейсу. Руки у мальчишки дрожали ещё до последней попытки. Резан видел — и всё равно велел повторить.

— Кет что говорит?

— Что ночью пульс был неровный.

Резан помолчал.

Неровный пульс — плохие новости. Ровный пульс можно считать. Неровный сначала пугает, потом убивает тех, кто привык к прежнему ритму.

— Архивариус у себя? — спросил он.

— Ждёт тебя. И Лиан. И меня. Сказал: «Срочно, но без паники». Это его способ сообщать панику.

— Идём. — Резан снял с гвоздя у столба промокший плащ. Пальцы правой руки на миг свело тупой болью — там, где нити после Вэла стали реже. Он привычно сжал кисть, разжал.

Они шли через внутренний двор тал-рохского архива под косым дождём.

Архив давно перестал быть просто домом с книжными полками. За последние месяцы он оброс пристройками, навесами и чужой жизнью. В бывшем зернохранилище спали клеймёные, которые пришли с севера после падения маски. В конюшне сделали комнату для детей. В сарае для соли Марга — травница из Тихого Брода, что пришла в Тал-Рох с беженцами после тех событий, — устроила что-то между лазаретом и кухней: там пахло влажным паром, полынью и железом. В самом архиве на стенах висели карты — одни аккуратные, вычерченные циркулем, другие грубые, с линиями углём, где вместо названий были слова «здесь ночью свет» и «здесь вода поёт».

Карту мира нельзя было купить. Её составляли те, кто выжил и продолжал работу.

У дверей комнаты с картами сидел Кет, поджав ноги. На коленях у него лежала доска, вся покрытая метками: короткие, длинные, двойные, с редкими кругами вокруг.

— Что это? — спросил Резан.

Кет не поднял головы.

— Вчера было так. Сегодня — так. — Он ткнул в две соседние дорожки меток. — Видишь? Здесь ускоряется, а здесь проваливается. Как будто кто-то дышит неровно.

Резан присел рядом.

— Я не вижу, что именно ты считаешь. Ты слышишь это ушами? Или чувствуешь?

Кет на секунду задумался, подбирая слова — не потому, что не знал, а потому, что объяснять было труднее, чем делать.

— Это как... — он наморщил лоб. — Вот когда ты держишь верёвку, а кто-то на другом конце дёргает. Ты не видишь кто. Но ты знаешь: дёрнули. И если дёргают часто — это одно. Если редко — другое. А если сначала часто, потом редко, потом опять часто — это уже разговор.

Он постучал пальцем по доске.

— Я считаю, сколько раз дёрнули. И где. И как сильно. Всё остальное — просто метки.

— Где?

Кет ткнул пальцем в левый нижний угол доски, где была вырезана грубая линия побережья.

— Западнее Вэла. Ближе к побережью.

Тэй обменялась с Резаном взглядом.

Вэл они хотя бы видели. Запад пока существовал для них только на чужих картах.

Резан повернулся к Кету.

— Ты ел?

— Да.

— Спал?

— Три часа.

— Это мало.

— Мне хватает.

Резан вздохнул.

— Знаю. Но всё равно мало.

Кет наконец поднял глаза.

— Там что-то натягивает слой, — сказал он. — Как ткань перед разрывом. Пока держится.

Резан кивнул.

— Понял.

Он поднялся и толкнул дверь.

В комнате было тепло и полутемно. Лампы коптили. На столе лежали три карты, деревянная пластина с письмом порога и стопка свежих донесений, скреплённых шнуром. Лиан стояла у окна, положив ладонь на запотевшее стекло. Её тень лежала на полу — неподвижная, правильная, но Резан знал, что при ярком свете она до сих пор иногда запаздывает на долю движения.

Архивариус сидел, как всегда, очень прямо — с той особенной осанкой, которая сама по себе была дисциплиной.

— Наконец, — произнёс он. — Садитесь.

Никто не сел.

Архивариус принял это как факт и подвинул верхний лист.

— Три недели назад в Вейнском архипелаге, на острове Руст, произошёл сдвиг слоя. Формулировка в донесении: «свет без источника, тени отстают от людей на полшага, рыбаки слышат гул в воде». К утру пропали три лодки.

— Разлом? — спросила Тэй.

— Похоже на начальный этап. На старых картах у Руста отмечена одна из прибрежных точек. Когда-то их было больше десятка: одни закрылись сами, другие были запечатаны ещё во времена Эрры. Если старая точка снова дышит, это не отдельный разлом. Это звено.

— Звено чего? — спросил Резан.

— Цепочки. Но карты цепочки у нас пока нет.

— Откуда сведения?

— От людей Селы.

Резан скривился.

— Значит, не подарок.

— Разумеется, не подарок, — сухо отозвался Архивариус. — Вейн ничего не делает даром. В обмен на информацию они хотят доступ к нашим записям по клеймёным. Полный.

— Нет, — отрезал Резан.

— Я тоже сказал «нет». Тогда они прислали второе письмо. Оно пришло на рассвете.

Архивариус показал лист с печатью вейнского торгового совета.

— Они предлагают «временный обмен специалистами». По-человечески: хотят, чтобы вы приехали и посмотрели место.

— «Вы» — это кто? — спросила Лиан, не оборачиваясь от окна.

— Вы трое. Резан, Лиан, Тэй. И Кет, если он способен держать ритм в дороге.

Никто не ответил сразу.

— Это ловушка, — бросила Тэй.

— Скорее, проверка. Вейн хочет понять, насколько вы настоящие, — ответил Архивариус. — И насколько мы вам доверяем.

— А если не поедем? — спросил Резан.

— Тогда они продадут эту же информацию Арну и Церкви. Причём с добавлениями, выгодными для покупателя. Церковь собирает сведения о разломах не менее жадно, чем мы, — только с другими целями.

— Они и так продадут.

— Верно. Но позже.

Лиан отняла руку от стекла. На запотевшем пятне остался отпечаток ладони.

— Это не главное. Главное, что я слышу это место.

Архивариус поднял бровь.

— Руст?

Лиан кивнула.

— С утра. Тонкий фон, как дальний колокол под водой. И... что-то ещё. Не Глубина — та внизу. А это — выше, в самом нитевом слое. Как будто он там тоже напряжён.

Резан подошёл к столу и посмотрел на карту. Руст был отмечен маленьким чёрным кругом у западной кромки — слишком далеко от Вэла, слишком близко к морским путям. На юг карта не звала: за холмами там по-прежнему лежала мёртвая земля, и туда не ходили.

— Если там откроется средний разлом, — сказал он, — западное побережье встанет.

— Да, — подтвердил Архивариус. — Сначала торговля. Потом снабжение. Потом голодные города и армии, которые «обеспечивают порядок».

Тэй положила ладони на стол.

— У нас сорок два неподготовленных человека в лагере. Из них семеро нестабильны после клейма. Если мы уедем, кто продолжит обучение?

— Марга и Эрвин уже держат часть быта. Я возьму старших на теорию, — сказал Архивариус. — Практику на земле — Лур и Джан. Вы сами их готовили.

Резан покачал головой.

— Лур срывается, когда рядом дети.

— Уже реже, — заметила Тэй.

— Всё равно.

— Резан, — Архивариус впервые за разговор смягчил голос. — Мы не можем одновременно строить школу и игнорировать новый разлом. Иначе школы не останется.

— Пока Сантэ платит за тишину на южном тракте, у школы есть деньги на еду, — добавил он. — Меро находит, как назвать это в отчёте. Перестанет находить — узнаем, чего стоят сорок два человека без хлеба.

Резан вспомнил почерневшие узлы на руке Хейса. Он пытался подготовить людей быстрее, чем они учились выдерживать собственную силу. И всё равно не успевал.

Резан провёл пальцем по краю карты и остановился у Вэла.

— Сарен бы сказал «едьте», — произнёс он.

Лиан посмотрела на него.

— Сарен бы сказал: «Проверьте сами, не верьте письмам».

Тэй выпрямилась.

— На месте лучше не разделяться, — сказала она. — Особенно если вейнцы начнут торопить.

Архивариус потянулся к перу.

— Передам им.

— Не надо. Это нам самим помнить.

Архивариус отложил перо.

— И к местным присмотримся, прежде чем идти с ними к точке, — продолжила она. — Всё, что увидим, копируем. Копию привезём сюда.

— Это разумно.

— А дознатчики? Арнские офицеры? — спросила Лиан от окна.

— В донесении их нет.

— Я спросила не об этом.

Резан посмотрел на чёрный круг у западной кромки, потом на перечень дежурств рядом с картой.

— Если они там будут, сначала поймём, чего им нужно, — сказал он. — А пока едем. Лур ведёт практику. Архивариус — теорию. Никто не пытается пройти через боль ради лишнего движения.

Архивариус кивнул, будто ждал именно этого.

— И Кет в любой момент может отказаться, — добавил Резан.

Все повернулись к двери.

Кет уже стоял там, будто вырос из пола, пока они спорили.

— Я еду, — сказал он.

— Мы не спрашивали, — буркнул Резан.

— А зря. Я всё равно еду.

Тэй невольно улыбнулась краем рта.

— Спорить бесполезно.

— Я и не спорю, — ответил Резан. — Я фиксирую факт.

Архивариус сложил письма в папку.

— Выход на рассвете. Через Эль-Сах, дальше к побережью. В Эль-Сахе, в доме речников, вас сведут с человеком Вейна по имени Дарас. Пароль: «Карты врут». Ответ: «Но дорога всё равно есть».

Дождь к вечеру усилился.

Во дворе ставили дополнительный тент над повозкой с лагерным запасом сухарей и соли. Эрвин ругался на мальчишек, которые путали узлы. Марга перебирала мешочки с травами, не глядя, словно читала пальцами. Лур учил двух клеймёных дышать в счёт, чтобы не проваливаться в панику, когда клеймо снова проснётся под кожей. Один из них — парень с перевязан-

ным предплечьем — дышал так, будто каждый вдох мог стать последним. Второй, постарше, уже держал ритм, но в глазах стояла та особенная пустота, которая приходит после третьей бессонной ночи.

— Если я не вернусь через две недели, — сказал Резан Луру, — ты знаешь, что делать.

— Знаю, — ответил Лур. — Постарайся вернуться. У меня тут сорок два человека, и только половина из них пока не пыталась сбежать к Церкви от страха перед собственной тенью.

Резан сидел под навесом у стены, под фонарём, и переписывал список: верёвка, иглы, пластины, сухое масло, перевязь, два запасных ножа, компас, три свечи с плотным фитилём, журнал.

Журнал лежал рядом, потемневший от времени и дождей, с чужими и своими почерками под одной обложкой.

Он открыл последнюю страницу.

Там была его запись из Тал-Роха. Про четверых. Про Сарена на границе. Про дверь, которую больше не закрыть.

Резан долго смотрел на строчки.

Потом перевернул лист.

Новая страница была чистой.

Он окунул перо и вывел:

Первый день после начала.

Подумал и добавил:

Тал-Рох. Нас снова четверо в пути, но теперь за спиной — сорок два.

На бумагу упала капля, и чернила расплылись. Резан поднял голову. Дождь находил щели даже под навесом.

— Можно? — спросил кто-то.

Резан обернулся.

Хейс стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу. Марга осмотрела его, велела отдыхать до вечера, но теперь он опять держал в руке тот самый железный прут.

— Что?

— Я... — Хейс смутился. — Я хотел показать.

Он положил прут на камень. Зажмурился, вытянул ладонь.

Прут дрогнул и медленно пополз по камню: сначала на ладонь, потом ещё на одну.

Хейс открыл глаза, запыхавшийся, мокрый, счастливый.

— Видел?

Резан кивнул.

— Видел.

— Я не злюсь, когда делаю, — выдохнул мальчик. — Я... как будто держу кого-то за рукав, чтобы не упал.

Резан посмотрел на него внимательно. Пальцы у Хейса снова дрожали. Резан взял его за запястье: кожа уже не горела, тёмные узлы побледнели.

— Запомни это, — сказал он. — Это важнее любого гвоздя. На сегодня хватит.

Хейс серьёзно кивнул и убежал в дождь, прижимая прут к груди как трофей.

Резан снова посмотрел в журнал.

Он ещё держал перо, когда в ворота постучали. Не по-местному — слишком уверенно, в три удара с паузой.

Эрвин пошёл открывать.

Через минуту во двор вошли двое в мокрых плащах. Под распахнутыми плащами были церковные сутаны, на плече у старшего — вышитый язычок пламени, знак дознавательского ведомства. Дознатчики Святого Эмпира — но не карательный отряд: скорее посланцы с

важным поручением. Под сутанами угадывались узкие нагрудники, у пояса висели короткие клинки, не похожие на военное снаряжение.

Лагерь словно втянул воздух.

Кто-то из клеймёных резко поднялся. Марга положила руку ему на плечо и усадила обратно.

Эрвин встал перед гостями.

— В Тал-Рох с оружием не входят, не объяснив зачем. Тем более — с вашими знаками.

Старший из двоих откинул капюшон. Лицо молодое, усталое, с синяками под глазами человека, который много дней не спал в постели.

— Причина есть, — ответил он. — Мы не за вашими людьми.

Никто не поверил.

Старший это понял и медленно вынул из-за пазухи свёрток в промасленной ткани.

Положил на стол под навесом, рядом с журналом Резана.

— Это из Эмпира, — произнёс он. — Из старой библиотеки. От тамошнего библиотекаря.

Резан перестал слышать дождь. Старую библиотеку Эмпира они знали — а Лиан знала её лучше всех.

Лиан вышла на стук вместе с Тэй и стояла теперь у края навеса. Она коснулась синего узла под рукавом. Её тень на стене шевельнулась и замерла. Резан встал между ней и гостями, но Лиан будто не заметила: смотрела на горло старшего и беззвучно считала его вдохи, сжав собственное запястье до боли.

— Кто именно? — спросила она. — Там были... разные люди.

— Не сказал, — ответил дознатчик. — Передал свёрток и велел найти вас раньше, чем найдут другие. Сказал — вы поймёте, от кого.

— Эрвин, пусть обсохнут у огня, — сказал Резан. — Под присмотром.

Свёрток он унёс в комнату с картами. Архивариус уже поднялся из-за стола; Кет проскользнул в дверь следом за Тэй и Лиан.

Резан развязал ткань.

Внутри лежала тонкая медная пластина, покрытая знакомыми насечками письма порога. И короткая записка неровным почерком:

«Если у вас ещё есть шанс — смотрите не только на запад. Я видел карту, которую прячут под алтарём. Церковь знает о разломах больше, чем говорит. Но знание не заставляет её действовать. А значит, у неё другие цели».

Подписи не было.

Тэй взяла записку, перечитала и тихо выругалась.

— Значит, Церковь не пытается закрыть всё, о чём знает. Чего-то они ждут. Или что-то используют.

— Как Посланник? — спросил Резан.

— Нет. Посланник был один и делал что хотел. А здесь — организация, которая знает больше нас и молчит. Это хуже.

— Вейну о записке ни слова, — сказал Резан. — И о предположении насчёт цепочки тоже, пока не поймём, что уже известно им.

Кет смотрел не на записку, а в пустоту чуть правее стола, как будто слушал кого-то, кого остальные не слышали.

— Сбилось, — сказал он.

— Что сбилось? — резко спросил Резан.

Кет моргнул и посмотрел на карту.

— Тот ритм. Он больше не нарастает. Пошёл повтор.

Он шагнул к карте и провёл пальцем по пустому участку западного побережья.

— Не Руст. Ближе к материку. Где-то здесь.

Под полом прошёл низкий гул. Дрогнули стёкла, в соседней комнате звякнула посуда. Во дворе разом оборвались голоса.

На этот раз его услышал не только Кет.

Глава 2. Белая вода

Они вышли до рассвета.

За ночь дождь выдохся. Над Тал-Рохом лежал низкий туман, и за воротами дорога почти сразу пропадала в нём — сначала глина, потом камень, потом снова глина.

Эрвин проводил их молча. Марга сунула Тэй в сумку три новых мешочка — «этот от дрожи рук, этот от тошноты, этот просто нюхать, когда страшно». Лур стоял рядом, не глядя на Резана, и только в последний момент произнёс:

— Я удержу двор.

— Удержи людей, — ответил Резан. — Двор сам постоит.

Хейс выбежал из-под навеса босиком, уже в грязи по щиколотку, и протянул Резану железный прут.

— На удачу.

Резан покачал головой.

— На удачу тебе нужнее.

Мальчишка упрямо сунул прут ему в ладонь.

— Тогда на возвращение.

Резан взял.

Они пошли вчетвером, как раньше. Только теперь за их спинами оставался не пустой след, а место, которое могло развалиться, если уйти слишком надолго.

Первые восемь километров дорога тянулась между полей и низких дубовых рощ. Кет шёл впереди, иногда касаясь ладонью придорожных камней. Лиан держалась рядом с ним, Резан и Тэй — чуть сзади, чтобы видеть обоих.

К полудню туман поднялся. На одном из склонов стояла сгоревшая часовня Пламеносца, и над ней не было птиц.

Кет замедлил шаг, вслушался.

— Здесь ничего не отвечает.

— Обойдём, — решил Резан.

Ноги вязли в низине, и обход отнял почти час. К вечеру они вышли к постоялому двору «Сломанный якорь» — кривому длинному дому у развилки, где пахло кислыми щами, соломой и конским потом.

Хозяин, широкоплечий седой мужчина с ожогом на щеке, глянул на них без любопытства и бросил:

— Если без драки, то ночуйте.

— А если с дракой? — спросила Тэй.

— Тогда ночуйте короче.

Внутри было тесно. Половину зала занимали люди из каравана соляных возов из Вэрна. Трое рыбаков сушили у печи сети, пахнущие рекой. За дальним столом двое в плащах с арнской отделкой задержали взгляд на серебристых прожилках у Резана на шее, но ничего не сказали.

Они поели молча. Кет клевал ложкой кашу, но взгляд его всё время уходил куда-то в пол. Лиан почти не тронула еду.

— Слышишь? — спросил Резан негромко.

— Да, — ответила она, не поднимая глаз. — Фон неровный. Как будто рядом несколько источников, и они не совпадают.

— Разломы?

— Не только. — Она помедлила. — Есть что-то похожее на... шаг.

— Чей?

Лиан пожала плечами.

— Слишком глубоко. Будто слышишь сапог через три стены и воду.

Ночью Резан проснулся от того, что кто-то тихо постучал в их дверь.

Он взял нож, подошёл, приоткрыл.

На пороге стоял хозяин постоялого двора.

— Не пугайтесь, — шепнул он. — С вами парень хочет поговорить. Из рыбаков.

— Сейчас?

— Сейчас. Утром уйдёт.

Внизу, у погасшей печи, их ждал самый молодой из троицы рыбаков — худой, с красными от ветра руками.

— Я слышал, как вы говорили про фон, — начал он, глядя в стол. — И про разлом.

— И? — спросила Тэй.

— У нас рыба на берег полезла, — сказал он. — Живая. Бьётся о камни, пока жабры не разорвёт. Жена детей к воде не пускает.

— Почему? — спросил Резан.

— Вода белеет. Первый раз я решил — ил подняло. Потом она стала обычной, будто ничего не было.

— Сколько раз? — спросила Тэй.

— Три. Примерно на час. Последний — два дня назад.

— Где именно? — Резан подвинул к нему уголь и дощечку.

Парень быстро нарисовал изгиб реки, мельницу, песчаную косу.

— Здесь. И здесь. И вот здесь.

Три точки.

Кет, которого разбудили и привели полусонным, посмотрел на рисунок и сразу проснулся.

— Назови дни, когда вода белела.

Рыбак нахмурился, припоминая, и назвал все три.

— Запиши, — сказала Тэй.

Парень сглотнул.

— В последний раз там человек был. На рассвете. Шёл по отмели, вода до щиколотки. Перед каждым шагом проверял посохом дно и ждал. Только потом ногу ставил. А вода за ним белела полосами. Рыба не шарахалась. Шла следом.

За столом стало тише.

— Лицо видел? — спросил Резан.

— Нет. Капюшон. Посох. И шёл так, будто знает, куда именно ставить каждый шаг.

— Один?

— Один.

Кет наклонился над дощечкой.

— В те же дни у меня три раза пропадал западный отклик, — сказал он. — Потом возвращался сильнее.

Денег рыбак не взял. Перед уходом только спросил:

— Если это снова будет... белым... нам что делать?

Тэй ответила быстрее всех — видно, знала Эль-Сах не по картам:

— Не заходить в воду. И не геройствовать. Отметьте время и направление течения. Передайте в Эль-Сах, в дом речников, старшей по имени Нора. Скажите: «Для Тал-Роха».

Парень кивнул и ушёл наверх.

Кет положил рядом дощечку рыбака и свою доску.

— Дни совпадают, — сказал он. — И промежутки. Здесь два коротких, потом длинный. У меня так же.

— Что это значит? — спросил Резан.

— Пока только то, что мой западный отклик — это он.

Они покинули «Сломанный якорь» до рассвета. Резан хотел уйти раньше, чем проснутся те двое в арнских плащах. Но дорога оказалась тяжелее, чем он рассчитывал: после ночного дождя глина размокла, и каждый шаг давался с усилием. К вечеру они едва прошли половину намеченного пути.

Резан остановился у старого русла — узкого, почти пересохшего, но ещё хранящего воду. Место было плохим: глина под ногами, редкий кустарник, склон открыт ветру. До следующего укрытия оставалось не меньше двух часов.

— Остаёмся до утра, — распорядился Резан.

Тэй молча принялась разжигать костёр. Лиан и Кет собирали сухие ветки. Резан сел на камень и снял ремень. Пряжка треснула ещё утром, когда он слишком сильно его затянул, и с тех пор ремень болтался. Это раздражало.

Он попытался починить. Пальцы дрожали от усталости, пряжка выскальзывала и всякий раз вставала криво.

— Дай сюда.

Лиан опустилась на корточки и протянула руку. Резан не сразу выпустил ремень. Потом разжал пальцы. Она обошла треснувшую пряжку, продела конец ремня в ближайшее отверстие и принялась вязать узел — быстро, без суеты.

— Где научилась? — спросил он.

Лиан не ответила сразу. Пальцы на секунду замедлились.

— В Эмпире, — сказала она наконец. — Чинить приходилось всё. Включая себя.

Резан не стал спрашивать, что именно.

Лиан затянула последний узел и протянула ремень обратно.

— Держи. Теперь удержит.

Он взял. Пальцы на миг коснулись её пальцев — случайно, но она не отдёрнула руку. Просто посмотрела на него — не в глаза, на шею. На те же серебристые прожилки у ключицы.

— Ты дрожишь, — сказала она.

— Я всегда дрожу, когда устаю, — ответил Резан. — Это после Вэла. Не уходит.

— Знаю. — Она помолчала. — Я тоже дрожу. Просто умею прятать.

Он хотел сказать что-то ещё, но она уже встала и пошла к костру.

Резан смотрел ей вслед. Провёл пальцем по узлу — тот держал крепко.

У костра Кет снова склонился над досками.

— Здесь, здесь и здесь, — сказал он, касаясь трёх групп насечек. — После каждой — длинная пауза. Сегодня отклик вернулся западнее.

— Тот человек движется к морю? — спросила Тэй.

— Кто-то движется. Ещё я слышу несколько слабых откликов рядом с основным. Они не отстают.

Лиан прислушалась и покачала головой.

— Для меня они сливаются в один тон.

— Имя у него есть? — спросила Тэй.

— Имена так не звучат, — ответил Кет. — Только шаги. И что-то внизу, будто со дна реки.

Позже Кет уснул у костра, положив доску под голову. Тэй накрыла его краем своего плаща и заступила на первое дежурство.

Утром дорога стала каменистее и суше. На мосту через Серый Брод Тэй отдала мытнику монету. К полудню за рекой начался придорожный рынок — первый на подступах к Эль-Саху.

Вдоль дороги тянулись прилавки с сыром, ремнями, глиняными чашами и сушёной рыбой. И запах яблочного уксуса — резкий, отрезвляющий, как пощёчина. Здесь уже чувство-

вался Эль-Сах: люди говорили быстрее, торговались яростнее, и каждый второй смотрел так, будто знал чуть больше, чем должен.

После полудня они увидели Эль-Сах.

Сначала — дымки многочисленных кухонь на горизонте. Потом — ряды мельничных колёс вдоль притоков. Потом — сама река, разделённая на рукава, между которыми, как на ладони, лежал город: мосты, склады, башни дозора, крытые рынки, лодочные верфи, причалы с флагами пяти цветов.

Эль-Сах не был красивым. Он был живым.

Город шумел так, будто каждую минуту в нём решалась чья-то судьба — и, вероятно, так и было.

У восточных ворот стояла очередь: возы с зерном, телеги с солью, беженцы с узлами, лодочники с сетями, два монаха в серых плащах, женщина с козой и мальчиком, который спал, уткнувшись лицом ей в юбку.

При виде монахов Лиан перешла за телегу и спрятала руки в рукава. Резану пришлось окликнуть её дважды.

Над воротами висела доска с правилами:

НЕ НОСИТЬ ОГОНЬ В ОТКРЫТОМ ВИДЕ. НЕ ВЫТАСКИВАТЬ НОЖ БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ. О СТРАННОСТЯХ ВОДЫ СООБЩАТЬ СМОТРИТЕЛЯМ СРАЗУ.

Последняя строка была новой. Доска под ней светлее остального дерева.

— Раньше такого не было, — заметила Тэй.

— Значит, теперь есть, — ответил Резан.

На въезде их остановил городской писарь, молодой парень с чернильными пальцами.

— Имена, цель, срок пребывания.

— Тэя, приказчица, с родными. Проездом к побережью. Два дня.

Писарь посмотрел на них внимательнее.

— Вы из Тал-Роха?

Тэй не моргнула.

— С чего ты взял?

— Нора просила направлять к ней четверых путников с юго-востока. А вы как раз вчетвером.

Кет фыркнул.

Писарь улыбнулся краешком рта и поставил отметку.

— В дом речников идите по Солевой улице. Нора там. Если ищете новости о воде — она знает раньше всех.

Они вошли в город вместе с толпой.

Эль-Сах пах сразу всем: горячим маслом, мокрой верёвкой, пряностями с юга, речной тиной, лошадиным навозом, свежим хлебом. В этом запахе были усталость и сила одновременно. Улицы не шли прямо; они текли, огибая старые склады и новые лавки, разветвляясь и снова сходясь.

На площади у Весового двора трое торговцев ругались над тюком шерсти, а рядом женщина в рабочем фартуке продавала дешёвые карты местности — неточные, зато сухие.

Резан купил одну. Тэй глянула через его плечо и хмыкнула: на карте не было половины узких проток. Он сложил её и убрал в сумку.

Дом речников оказался длинным каменным зданием у второго причала. Внутри — столы, на стенах схемы течений, доски с меловыми отметками времени, угла ветра, цвета воды.

Нора была невысокой женщиной с коротко остриженными волосами и голосом, который не повышался даже в шуме порта.

— Тал-Рох? — спросила она, не тратя времени на приветствия.

— Да.

— Вас ждали. Идите за мной.

Она повела их к большой карте Серого Брода. На карте красными метками были отмечены участки «белой воды» за последние две недели.

Резан увидел рисунок — дуга, уходящая на запад, к морю.

— Похоже на тропу, — заметил он.

— Именно, — ответила Нора. — Только это тропа не по берегу. По дну.

— Кто-то видел источник? — спросила Тэй.

— Видели «старого странника». В трёх местах. Всегда на рассвете. Всегда вниз по течению. Всегда одного. Никто из моих не подходил близко. Умные люди у нас ещё не вымерли.

Она достала из ящика деревянную табличку с выжженными насечками.

— Это сунули мальчишке на пристани утром. Без подписи. Велели: «Передай тем, кто идёт к Ривсу».

— Откуда они знают, куда мы идём? — тихо спросила Тэй.

Нора покачала головой.

Тэй взяла табличку. На ней было вырезано семь коротких линий и одна длинная, пересечённая пополам.

Кет забрал у неё табличку, положил рядом со своей доской и отсчитал промежутки пальцем.

— Промежутки те же: короткие, потом длинный. Только счёт дольше — семь коротких, одна длинная.

— Чей счёт? — спросил Резан.

— Не знаю. Это могут быть шаги, точки или дни. Но случайно такой рисунок дважды не повторяется.

Нора не вмешивалась, просто ждала.

Резан перевёл взгляд на карту.

— А Руст? — спросила Тэй.

— Если белая вода тянется к побережью, сначала надо понять, как она связана с той точкой. На остров вслепую не пойдём, — ответил Резан и повернулся к Норе. — Нам сказали, здесь нас сведут с Дарасом. До Ривса нужен человек, который знает боковые протоки и не задаёт лишних вопросов.

— Сведу, — ответила Нора. — Протоки он знает.

— Ваш человек или вейнский? — спросила Тэй.

— Мой человек на воде. Ваш, если платите честно и не врёте ему в лицо. По крови — вейнец. По привычкам — речная крыса. Это надёжнее любой печати.

Нора постучала пальцем по карте.

— Но выйдете не сегодня. Ночью по рукавам тянет обратный ток. Лодку развернёт, как щепку. Уйдёте на рассвете.

— Где переночевать? — спросил Резан.

— У меня наверху есть комната на четверых. Тесно и пахнет смолой.

— Подойдёт, — ответила Тэй.

Вечером Эль-Сах стал громче вдвое.

На набережной зажгли фонари, и вода в рукавах сделалась чёрной, как кованое железо. На дальнем причале музыкант играл на трёхструнке, сбиваясь с такта, но с таким упрямством, что рядом всё равно собралась толпа. Дети бегали между возами, играя в «дознатчиков и беглых». В их игре дознатчики всегда проигрывали.

Резан сидел у открытого окна в комнате наверху и сверял время появления белой воды с метками Кета. Мальчик устроился на полу рядом. Дважды он сбился на одной и той же строке, но начал считать заново.

Тэй опустилась на корточки рядом.

— Ты должен спать.

— Потом.

— Сейчас.

Кет упрямо мотнул головой.

Резан вмешался тихо:

— Кет. Завтра считать в лодке. Сейчас спать.

Мальчик посмотрел на него исподлобья.

— А если я усну и что-то пропущу?

— Тогда пропустим вместе, — ответил Резан. — Не один.

Кет лёг, положив доску рядом, и вскоре уснул.

Ночью Резан дежурил первым.

За окном моросило. Внизу, в зале речников, кто-то кашлял, кто-то тихо смеялся. Вдалеке ударил колокол гавани — два раза, пауза, ещё раз.

Резан почти задремал, когда почувствовал знакомое покалывание в правой руке.

Нити.

Он встал, подошёл к окну.

На другом берегу рукава, в тени складов, стоял человек в тёмном дорожном плаще. Он опустил посох в воду, замер, словно ждал ответа, и только потом сделал шаг. За наконечником протянулась узкая белая полоса.

Он повторил движение — с той же паузой, на ту же длину шага. На третьем шаге силуэт исчез. Белые полосы остались ещё на несколько ударов сердца, а затем вода снова почернела.

Внизу завыл речной пёс.

Тэй проснулась мгновенно.

— Что?

— Кажется, я его видел.

Лиан уже сидела, вслушиваясь.

— След, — сказала она. — Он прошёл здесь раньше. Слой повторил движение.

Резан посмотрел на тёмную воду там, где только что лежали белые полосы.

— Значит, рыбак видел не случайность. Он видел, как это делается.

Утро пришло серым и ветреным.

Дарас ждал их у лодки — худой вейнец лет сорока с тёмной бородой и руками, исполосованными старыми ожогами от верёвки.

— Карты врут, — сказал он вместо приветствия.

— Но дорога всё равно есть, — ответил Резан.

— Хорошо. Я терпеть не могу людей, которые верят картам больше, чем воде.

Он глянул на Кета.

— Мальчик остаётся в середине лодки. Не вставать, не бегать, не умничать.

— Я не умничаю, — возразил Кет.

— Все умничают. Вопрос масштаба.

Лодка была длинной, с малой осадкой — как раз для мелких проток. На носу — связка шестов, на корме — два запасных весла и бочонок с пресной водой.

Они отчалили, когда над рекой только начинал расползаться утренний свет.

Эль-Сах остался позади шумом и дымом. Впереди лежали рукава, туман и плавучие островки тростника.

Дарас вёл уверенно, иногда не глядя на берега. Через час он перестал насвистывать и дважды проверил глубину шестом.

— Течение тянет не туда, — сказал он.

В нитях под днищем лодки шёл слабый дрожащий тон. Вскоре рукав раздвоился. Правый был широким и чистым, левый почти скрывался за камышом. У входа в него торчал старый маячный столб.

Вода вокруг столба была белой.

Не мутной и не светлой от песка. Белизна лежала внутри самой воды и медленно вытягивалась в левый рукав.

— На Ривс направо, — сказал Дарас. — По белому следу — туда. Мелко, течение обратное. Потеряем часа два, если вообще пройдём.

— Лодка выдержит? — спросил Резан.

— Лодка — да. За воду не отвечаю.

Резан посмотрел на белую полосу.

— Идём за ней.

Дарас сплюнул за борт и налёг на руль. Тэй взяла один из шестов. Лодка повернула в камыши.

Белая вода встретила их без всплеска. Сначала под днищем прошла одна светлая жила, затем другая. Через несколько толчков шеста весь рукав побелел от берега до берега. Дна не стало видно.

Рыба поднялась следом. Десятки серебристых спин теснились у поверхности, не шарахаясь от лодки. Впереди первые рыбины полезли на илистую отмель. Одна ударилась о камень, перевернулась и снова рванулась к берегу.

Дарас выругался и оттолкнул лодку от мели. Течение тут же потянуло корму назад.

— Шест справа!

Тэй упёрлась в дно. Резан схватил второй шест левой рукой; правую свело, наконечник сорвался с камня. Лиан перехватила древко ниже его ладони, и вместе они вернули лодку в русло.

Кет стоял на коленях посередине, прижав пальцы к доскам.

— Короткий, — сказал он. — Ещё короткий. Пауза.

— Что ты считаешь? — крикнул Дарас.

— Не знаю. Здесь тот же промежуток, что на доске.

Белизна впереди стянулась в узкую полосу и ушла между двумя стенами камыша. Позади вода снова становилась серой. На отмели продолжала биться рыба.

Дарас выровнял лодку и посмотрел на Резана.

— Теперь поздно выбирать другой рукав.

— Я уже выбрал.

Они вошли в камыши следом за белой водой.

Глава 3. Ривс, где вода помнит

Белый след вёл их до полудня. Дважды лодка садилась на ил, и Дарас, ругаясь вполголоса, сталкивал её шестом. Кет считал вслух, пока не охрип: короткий, короткий, пауза — и так до старой запруды, где белизна ушла под корни и больше не поднялась. Дальше вода была просто водой.

— Он здесь не кончился, — сказал Кет. — Просто ушёл глубже. Счёт тот же.

Дарас молча вывел лодку в большое русло. Потеряли они не два часа, а четыре.

К вечеру русло расширилось, и камышовые стены разошлись в стороны.

Впереди показался Ривс — длинный прибрежный город на сваях, верёвках и упрямстве. Старые дома держались на тяжёлых дубовых опорах, новые — на тонких подпорках. Между ними провисали настилы, по которым двигался весь город: дети, грузчики, женщины с корзинами рыбы.

Над водой висел солёный запах моря, смешанный с речной тиной и дымом коптилен.

Они пришвартовались у крайнего причала, где столб с облезлой синей краской скрипел на ветру. Пока Тэй заводила швартовы, Дарас оглядел портовую суету и буркнул:

— Добро пожаловать в самое честное место на западе. Здесь тебе соврут прямо в лицо и сразу назовут цену.

На доске объявлений над причалом висели три свежих листа: один о пропавших лодках, другой о карантине двух нижних кварталов, третий — о запрете ночного выхода в море без сопровождения береговой стражи.

Подпись на третьем листе была не городская.

Вейнский торговый совет.

— Быстро работают, — заметила Тэй.

— Не быстро, — ответил Дарас. — Заранее.

У сходней их ждал невысокий худой человек в аккуратном сухом плаще.

— Лир Дагвен, — представился он. — От совета. Рад, что вы добрались. О Русте поговорим после: беда подошла ближе. Нора прислала гонца с вашими именами. Идёмте, пока совет не прислал ещё троих людей спрашивать, почему мы ничего не делаем.

Они прошли через портовый квартал к дому с закрытыми ставнями и двумя охранниками у дверей. Вейнские плащи казались на них чужими; оба двигались с арнской военной точностью.

Внутри дома пахло воском и мокрой бумагой. На большом столе лежала карта побережья с десятком отметок: красные кресты на местах, где видели белую воду, и чёрные кружки у рыбацких деревень, откуда пропали люди.

Дагвен снял перчатки и развернул рядом с картой лист с цифрами.

— Если закроется Ривс, зерновые суда уйдут на юг. Через пять дней хлеб подорожает вдвое. Ещё через три дня у пекарен встанет стража. Мне нужно знать, закрывать порт сегодня или ещё можно ждать.

— Люди уже пропадают, — сказала Тэй.

— Их имена у меня на другом листе. — Дагвен коснулся сложенной бумаги, лежавшей отдельно от расчётов. — Совет спрашивает о портах. Я спрашиваю и о людях.

Тэй посмотрела на отдельный лист, затем снова на карту.

Кет положил свою доску у линии побережья и провёл пальцем от одной красной отметки к другой.

— Здесь стукнет и замолчит. Здесь тоже. — Он остановился у мыса Ранн. — А тут новый стук начинается, пока старый ещё не затих.

— Это плохо? — спросил Дагвен.

— Это трудно считать.

— Нужно увидеть место, — сказал Резан.

Дагвен уже натягивал перчатки.

— Вы четверо, Дарас, береговой наблюдатель и двое моих. Наблюдатель знает косу, мои понесут носилки, если понадобятся.

Резан кивнул.

До Ранна добрались пешком, прежде чем стемнело. От домов порта дорога шла вдоль лагун и кончалась у камней.

Мыс Ранн оказался не мысом в привычном смысле, а длинной каменной косой, уходящей в серое море. Слева — открытая вода, справа — мелкие лагуны с чёрной тиной. Ветер тянул с моря солью и железом.

У начала косы, за каменным зубцом, лежали трое.

Двое береговых стрелков — один с разорванным горлом, другой с распоротым животом. Третий, в вейнском плаще, лежал на спине: колено вывернуто, грудь вдавлена внутрь, будто на неё опустили жернов. Рядом в луже валялся меч. Кровь на камнях ещё не потемнела.

Береговой наблюдатель снял шапку и назвал три имени.

— Я поставил здесь пост в полдень, — сказал Дагвен. Голос у него не изменился, только перчатку он стянул с руки и не заметил этого. — Шестерых.

— Остальные трое ушли сами, — сказала Тэй, глядя на следы в иле. — Бегом.

Резан присел у тела с распоротым животом. Рана была не от клинка: четыре борозды, каждая шире пальца.

— Это сделал не человек.

— С ним шли трое, — тихо сказал Кет. — Я слышал их ещё на дороге. Думал — отклики.

Лиан взяла мальчика за плечо и развернула лицом к морю.

Наблюдатель остался у тел. Остальные пошли дальше, к башне.

На конце косы стояла старая сигнальная башня, наполовину обвалившаяся. Вокруг башни камни были белёсые, как будто кто-то вымыл из них цвет.

Кет сразу остановился.

— Дальше медленно. Здесь стуки лезут друг на друга.

— Какие стуки? — спросил один из вейнских охранников.

— Снизу. И ещё один сверху. Он не только здесь.

Охранник покосился на него, но смолчал.

— Кет прав, — сказала Лиан. — Глубинный тон идёт снизу, нитевой — от башни. Они отвечают одновременно. Не должны.

Тэй резко обернулась к Дагвену.

— Вы уверены, что никто не проводил здесь «экспериментов»?

— За три года здесь оплатили ремонт башни, покупку двух фонарей и жалованье наблюдателю, — ответил Дагвен. — Я проверял книги лично.

Тэй задержала на нём взгляд и пошла дальше.

Они подошли ещё на тридцать шагов.

Дарас, который шёл замыкающим, вдруг остановился и приложил ладонь к камню у воды.

— Что? — спросил Резан.

— Камень тёплый. Он не должен быть тёплым.

Резан коснулся того же камня. Тёплый. Не горячий — как кожа человека, который только что здесь сидел. На поверхности осталась круглая вмятина от наконечника посоха.

Воздух над вмятиной дрогнул. Рядом с камнем проступил человек в дорожном плаще — прозрачный, как отражение на тёмном стекле.

Он поставил наконечник посоха точно во вмятину и ударил. Низкий гул прошёл под камнями; один из вейнцев схватился за челюсть. Человек ждал, чуть склонив голову.

Когда гул начал стихать, он повернул посох в руке и ударил снова.

Второй звук пришёл сверху, от обвалившейся башни. На один миг оба совпали. Вода у косы побелела, а тень башни отстала от камня на полшага.

— Второй стук попал в первый, — сказал Кет. — До этого они шли порознь.

Фигура повернула голову на его голос.

— Назад, — сказал Резан. — Медленно.

Они начали отходить. Человек поднял посох, и его очертания распались. Белизна в воде держалась ещё несколько ударов сердца.

Лиан остановилась.

— Выдох.

— Что? — спросил Резан.

— Не знаю. Только это слово.

Камни под ногами дрогнули.

— Уходим, — сказала Тэй.

Обратно шли молча. У начала косы люди Дагвена подняли на носилки первого из троих.

Только когда они вернулись в дом у порта и закрыли ставни, Тэй села на край стола и сказала:

— Теперь версия «случайный разлом» отпала.

Кет сел на пол и начертил в пыли две короткие черты.

— Первый стук пришёл снизу. Второй сверху. На мысе второй попал прямо в первый.

— Он сделал это намеренно? — спросил Дагвен.

Кет пожал плечами.

— Он ждал перед вторым ударом.

— След человеческий, — сказал Резан. — Что осталось от самого человека, пока не знаю.

Дагвен встал.

— Запрещу выход в море без моей печати и пошлю предупреждение на северные причалы.

Когда за Дагвеном закрылась дверь, Дарас поднялся с лавки у входа.

— Буду на причале. Если понадоблюсь раньше рассвета, стучите громче: сплю я крепко.

Он вышел, прикрыв дверь.

— Он повернул голову на голос Кета, — сказала Лиан.

— Значит, услышал, — отозвался Резан.

— Или след повторил старое движение, — возразила Тэй. — До утра никуда не идём. Мне нужны лоции и все сообщения с северных причалов.

Потом Тэй отправилась к Дагвену выбивать доступ к береговым архивам и лоциям. Кет уснул прямо у стены, сжав кулак так, будто держал невидимую нитку.

В комнате остались Резан и Лиан.

Сначала — неловкая тишина. Не чужая, но новая.

Резан сидел у стола и растирал правую ладонь левой.

— У тебя рука дрожит, — сказала Лиан.

— После башни.

— Дай.

Он протянул правую руку. Лиан взяла её двумя ладонями и задала его дыханию тот же ритм, которым успокаивала клеймёных в Тал-Рохе.

Кожа у неё была холодной от ветра.

Через несколько вдохов дрожь в пальцах стала меньше.

Резан не убирал руку.

— Помогает, — сказал он.

— Я знаю.

За стеной кто-то прошёл по коридору, скрипнула доска. В порту ударил колокол на смену вахты.

— Я думала, что не переживу Вэл, — сказала Лиан неожиданно. — Не в смысле «умру». В смысле... что от меня не останется целого.

Резан посмотрел на неё.

— И?

— И, кажется, не осталось. Но ты тоже не целый.

— Это должно утешать? — спросил он.

— Нет. Просто ты понимаешь.

Она всё ещё держала его руку. Резан перевернул ладонь и переплёл пальцы с её пальцами.

— В Вэле мы выжили, — сказала Лиан. — Я не хочу снова делать вид, что этого достаточно.

Он не ответил, только сжал пальцы крепче.

В коридоре раздались быстрые шаги.

Тэй ворвалась в комнату с пачкой промокших бумаг.

— Севернее Ривса ещё две белые точки. У Нижней Четверти просели крайние дома. Дагвен уже послал людей, но вода там не успокоилась. Тех троих, что сбежали с Ранна, нашли у причалов. Твердят про демонов, больше от них ничего не добиться.

Она развернула второй лист — копию насечек с северного маяка.

— Смотритель береговых архивов разобрал два слова: «восьмая» и «выдох».

— Выдох, — повторила Лиан. — Это слово я слышала на косе.

— На рассвете идём к Нижней Четверти, — сказал Резан. — Если там остались люди, маяк подождёт.

Тэй кивнула и вышла договариваться о проводниках.

Лиан так и не отпустила руку Резана. Дрожь в его пальцах почти прошла.

На мокром листе оставались два слова: «восьмая» и «выдох».

Глава 4. Старый

Старый шёл по отмели, и вода у его сапог белела.

Белизна проступала изнутри воды. Так белеет ткань, когда её тянут до предела. Каждый шаг отзывался внизу, в слое, который люди называли Глубиной, дном, старой тишиной. Для него это было просто давление. Большой, неторопливый выдох, который нельзя остановить приказом.

За его спиной шли трое.

Если смотреть обычными глазами — никого. Пустая отмель, серое небо, чайки над устьем.

Если смотреть так, как он смотрел теперь, — тёмные, тяжёлые звериные формы на границе видимого. Крупные, до плеча взрослому человеку, на мощных передних лапах, с вытянутыми мордами и длинной спиной хищной собаки. Край контура у них дрожал, будто шерсть жила в другом ветре, но когти и масса были настоящие. Там, где они проходили, камни на секунду теряли тень.

Он называл их глухими.

Они не слышали ничего, кроме главного тона. Вэрн-ам был для них не языком, а домом. Всё прочее — шум.

Глухие шли в трёх шагах от него. Один тон вёл всех четверых. Они не были армией. Армия понимает приказ и знает, когда остановиться.

Ему нужна была связка. Как тридцать девять лет назад, когда их было двенадцать и они держали друг друга в узлах. Но связки больше не было. Был ученик — двенадцать лет рядом, — но и тот ушёл считать по-своему.

Тогда у него была другая походка — быстрее, жёстче. Тогда он ещё носил имя, данное родителями в горной деревне Харна, и верил, что, если объяснить правильно, тебя услышат.

Он собирал таких же, как он, по перевалам и селениям: тех, кто слышал нити, видел смещение света, просыпался от того, что во сне кто-то «дышит снизу». Он учил их простому: сначала якорь, потом шаг. Сначала ритм, потом сила. Сначала держать себя, потом держать место.

Их было двенадцать.

Потом девять.

Потом шесть.

Потом осталось четверо: трое детей и он.

Первых сожгли церковные люди в долине Норт. Двоих повесили арнские офицеры как «пособников беглых». Одну женщину выдали свои же — за мешок соли и прощение долга. Ещё двоих унесло не железо и не огонь: шагнули слишком глубоко в тонкое место и не вернулись.

Трое детей прожили дольше всех.

По ночам память возвращала их за стол: старшая справа, младший у печи, средний босиком, даже зимой.

Они умерли у подножия перевала Норт.

Не сразу. Не красиво. По-настоящему.

Сначала их нашли дознатчики. Он увёл погоню в каменные гряды, думал, что выиграл ночь. Ночью пришли солдаты Арна, по наводке тех же дознатчиков, и загнали детей в тупик у оврага. Утром он нашёл их там.

Старшая лежала на боку, будто уснула. Левую руку ей сломали в двух местах; пальцы неестественно вывернули — пытали, чтобы сказала, где он. Среднему разбили затылок, и кровь на камнях уже почти почернела. Младший был жив, когда он пришёл. Дышал коротко, сипло. Рёбра торчали под кожей, как обломки клетки. Мальчик успел сказать только одно слово:

— Поздно.

Потом тоже ушёл.

Старый сидел между тремя телами до темноты. Никого не звал. Не плакал — тело не сумело.

Он вырыл три могилы киркой, которую нашёл в заброшенном сарае. Каменистая земля не хотела принимать детей, словно спорила: не моё. Он всё равно выкопал.

Поставил три маленьких камня в ряд.

И понял, что больше не будет убеждать. Только считать.

До того он предлагал союз тем, кто называл себя властью.

Ему отвечали костром и верёвкой.

Больше он не предлагал. С тех пор его счёт никто не проверял чужими ушами.

На косе впереди показались люди.

Четверо береговых стрелков и двое вейнских охранников. Они вышли из-за каменного зубца у начала косы. Его ждали: кто-то заметил его с воды и передал.

Десятник в вейнском плаще крикнул:

— Стой! Именем совета!

Старый остановился.

Ветер трепал полы его плаща. Посох он держал легко, почти лениво.

— Разойдитесь, — сказал он. — Мне нужно пройти.

— Назовись.

— Вам это ничего не даст.

— Шаг назад!

Старый посмотрел на их лица.

Усталые мужчины. Один хромает на левую ногу. У второго кольцо на пальце — похоже, недавно женился, ещё не привык снимать перед работой. У третьего под ногтями чёрная смола — должно быть, чинил лодку.

Десятник махнул рукой.

Двое подняли арбалеты.

Болт первого пошёл Старому в плечо. За долю секунды он сместился в нитевой слой — не полностью, краем тела, ровно настолько, чтобы болт прошёл насквозь, не задев ключицу и жилы. Рана осталась.

Он даже не вздрогнул. Просто устало глянул на плечо.

Болт второго ушёл мимо и ударил в камень.

Тогда глухие вышли из слоя. Это заняло полсекунды.

Воздух перед стрелками уплотнился и потемнел; огромные контуры проступили в нём и кинулись вперёд. Первый зверь ударил арбалетчика лапой в голову и тут же вцепился в горло. Кровь брызнула на мокрый камень. Человек успел сделать один сдавленный вдох и обмяк, так и не закричав.

Второй стрелок попытался бежать.

Глухой не повернул за ним — просто продолжил движение и настиг в два прыжка. Рука стрелка успела дёрнуться к ножу. В следующую секунду зверь снёс его боковым ударом лапы, опрокинул в лужу и разодрал живот, разбрасывая внутренности по сторонам. Крик был короткий и высокий. Потом остался только хрип.

Береговые бросились врассыпную.

Десятник вытащил меч и пошёл на Старого, хотя уже видел, чем это кончится.

Старый шагнул навстречу и ударил посохом под колено.

Хрустнуло сухо. Мужчина упал. Меч вылетел в лужу.

Старый опустился рядом, взял его за ворот и тихо сказал:

— Уходите. Завтра тут будет хуже.

Десятник плюнул ему в лицо.

Старый отпустил ворот, встал и пошёл дальше.

За его спиной один из глухих, не отличающий плевок от угрозы, опустил тяжёлую лапу на грудь раненого. Рёбра сложились внутрь, как тонкие прутья.

Старый не обернулся.

Оставшиеся береговые и второй охранник уже бежали прочь с косы, к берегу, крича что-то про демонов и тревогу.

Он их не преследовал.

Боль в простреленном плече нарастала тупой горячей волной. Кровь текла в рукав, тёплая, липкая.

Он прижал рану ладонью. Нити вокруг неё были очень тонкие. Плохой знак: тело всё хуже держало собственную форму. Раньше такая рана закрывалась за час. Теперь — за ночь, если повезёт.

Старость была не в костях.

Старость была в том, как медленно восстанавливается структура.

У обвалившейся башни на конце косы он задержался ненадолго: два удара посохом, нижний и верхний, с паузой между ними. Вода у камней побелела. Потом он сошёл на отмель и повернул на север.

К ночи он дошёл до северного маяка.

Маяк давно не работал по назначению: огонь наверху зажигали редко, только в шторм. Но камень у основания помнил старые насечки. Старый провёл пальцами по свежей надписи, которую оставил три дня назад.

«Когда дойдёт до восьмой, начнётся выдох».

Не угроза. Уравнение.

Восьмая была той, после которой больше ничего не требовалось от его рук.

Для мира это будет победа. Для него — ампутация.

Он опустился у основания маяка, прислонившись спиной к холодному камню.

Глухие легли полукругом, почти растворяясь в темноте. Ветер принёс запах моря и далёкий дым коптилен из Ривса.

Он закрыл глаза.

За болотистыми рукавами и портовыми огнями были четверо. Старый слышал их общую натянутую нить.

Тот, кто держит нити. Та, что пела существу из Эстара. Мальчик, считающий ритм. Та, что ходит между слоями.

Он не знал их имён. Он различал их по тону — как различают инструменты в оркестре, не зная, как зовут музыкантов.

Они ещё верили, что мир можно починить без жертв. Если знают как — пусть догоняют.

Ночью он не спал.

Сон ушёл вместе с остатками тепла, и Старый сидел, глядя в темноту. Глухие ждали. Они всегда ждали.

Он думал о среднем — том, что ходил босиком даже зимой.

У того вечно мёрзли ноги, и Старый однажды отдал ему свои запасные портянки — грубые, штопаные, но сухие. Мальчишка тогда посмотрел на него так, будто ему подарили меч. «Я теперь до весны», — сказал он. И ведь дошёл. До той весны. И до следующей. А потом — перевал Норт, каменистая земля и три камня в ряд.

Он достал из-за пазухи тонкую медную пластину. На ней были выцарапаны детские имена — три строки, криво, потому что он не был писцом и вырезал их обычным ножом. Он не смотрел на них — знал на ощупь. Пальцы сами находили знакомые бороздки.

— Я помню, — сказал он.

Глухие не шевелились. В темноте их контуры едва угадывались — как тени, которые забыли, от чего упали.

Он убрал пластину обратно.

К рассвету боль в плече стала терпимой.

Над морем серело — без розовых красот.

Старый встал, опёрся на посох и посмотрел на север.

Там, за косами и рукавами, ждала седьмая точка. За ней — восьмая.

Две точки впереди. Когда дойдёт до восьмой — выдох.

Он сделал шаг.

Глухие поднялись за ним.

Вода у берега снова побелела.

— Меня звали Нэтт, — сказал он вслух, просто чтобы не забыть.

И пошёл к седьмой.

Глава 5. Люди у воды

Рассвет в Ривсе пах мокрой древесиной, гнилой травой и дымом.

Город просыпался не сразу, а слоями. Сначала — пекари: в узких окнах вспыхивал жёлтый свет, на улицу выходил пар от печей. Потом — грузчики, которые ругались тише обычного, потому что сами ещё не разогрели голоса. Потом — женщины с вёдрами, мальчишки с кривыми крючками, старики с пустыми сетями и уже за ними — торговцы, ещё не успевшие натянуть дневные улыбки.

Резан стоял у крыльца дома с закрытыми ставнями и затягивал ремень ножен, когда из соседней лавки вышла булочница — круглолицая, с красными от жара руками.

— Вы те самые из Тал-Роха? — спросила она без приветствия.

— Похоже на то.

Она сунула ему в руку ещё тёплый хлебец, пахнущий луком и тмином.

— Это мальчишке. Тому, который всё слушает. Он вчера шёл мимо моей двери и спал на ходу.

— Сколько должны?

— Нисколько. — Она прищурилась. — Но если мир не перевернётся, вернёте потом.

— Договорились.

Она кивнула и ушла к своей печи, уже крича кому-то в глубине:

— Не трогай противень голой рукой, дурень!

Резан невольно улыбнулся.

Лиан вышла на крыльцо следом. Волосы собраны небрежно, в глазах недосып, но шаг ровный.

— Что смешного?

— То, что люди продолжают ругаться из-за противня, когда под ногами шевелится Глубина.

Лиан приняла у него хлебец, разломила на четыре части.

— Это правильно. Если перестанут ругаться из-за противня, значит, совсем плохо.

Кет взял свою часть молча и ел на ходу, не отрывая взгляда от воды между сваями.

Тэй спустилась последней, уже в дорожном плаще, с пачкой свёрнутых листов.

— Дагвен дал нам троих местных проводников вдоль берега. И двух носильщиков с верёвками.

— Двух носильщиков зачем?

— Затем, что я не верю в «быстрый выход без возможности вытаскивать людей». Если снова начнут проваливаться дома, голыми руками не управимся.

Резан кивнул.

— Где Дарас?

— На причале. Ругается с таможенным писарем из-за «временного военного сбора».

— И кто побеждает?

— Пока писарь. Но Дарас только начал.

На причале Дарас действительно ругался с писарем о сборе со всех выходов в открытую воду. Резан положил на стол монету.

— Время, — бросил он.

Писарь провёл ногтем по ребру монеты и поставил отметку.

— Если вернётесь до темноты, зайдите к западному складу. Там сегодня выдают пайки тем, кто потерял дом в Нижней Четверти. Вам тоже положены пайки.

Дарас посмотрел на него уважительнее.

— Может, ты и не безнадёжен, писарь.

— Может, и нет. Но ты всё равно должен монету за прошлый раз.

— Вот поэтому я и не верю картам, — хмыкнул Дарас и пошёл к лодкам.

Когда отчалили, он устроился на носу, положил руку на планшир и сказал — негромко, без вызова:

— Вы ищете, как закрыть разломы. Это правильное дело. Только не удивляйтесь, если Вейн однажды попросит карту тех мест, где закрывать не надо.

— Зачем? — спросил Резан.

— Торговля. Разломы меняют течения. Где вчера была мель — сегодня фарватер. Где вчера ходили баржи — сегодня скала из ниоткуда. Если вы закроете один проход и оставите другой — кому-то надо знать, какой именно. Вейн не воюет. Вейн плавает. И предпочитает знать, куда.

Они вышли из Ривса двумя лодками: в первой — Резан, Лиан, Кет и Дарас; во второй — Тэй, трое местных проводников и двое молчаливых носильщиков с бухтами каната. Шли борт о борт, на расстоянии весла.

Проводников звали простыми именами: Ниса, Гран и Том. Ниса была старшей, сухой женщиной с обветренным лицом и ножом за голенищем. Гран — широкоплечий рыбак, который, похоже, всю жизнь разговаривал только с волной и женой. Том — парень лет семнадцати, слишком худой для своего роста, с руками, покрытыми свежими царапинами от сети.

— Ты чего с нами? — спросила Тэй у Тома, когда тот перехватывал весло.

— Дом ушёл, — коротко ответил он.

— И?

— Если дом ушёл, сидеть на месте глупо.

Тэй кивнула. Этого объяснения было достаточно.

Дарас, сидевший на носу первой лодки, обернулся к Нисе:

— Нис, ты давно в Ривсе?

— Всю жизнь, — откликнулась она. — А ты всё по рекам?

— Всё по рекам. Море — для мёртвых, река — для живых.

— Странный ты, Дарас.

— Я не странный. Я последовательный.

Ниса фыркнула и отвернулась, но Резан заметил: она улыбнулась. И Дарас заметил.

Рукава становились уже, вода — тише.

Здесь не было крика порта. Только шорох тростника, скрип уключин и редкий всплеск рыбы. На сваях старых мостков сидели серые цапли, равнодушно глядя на людей, как смотрят чиновники на очередь.

— Рыба уходит, — негромко сказала Ниса, не переставая грести. — Не отсюда — вообще. Раньше в это время косяки шли стеной, весло ставить было некуда. Теперь — разрозненно, как будто не знают, куда плыть.

— Течения путаются, — отозвался Дарас. — Я такое видел раз в жизни, на севере. Тогда тоже всё поехало: рыба, ветер, удача. Совпадения перестали совпадать.

— И чем кончилось? — поинтересовалась Тэй.

— Тем, что порт закрыли на три года.

К полудню они добрались до Нижней Четверти — бывшего рыбацкого посёлка, который теперь числился частью Ривса, хотя лежал отдельно, за несколькими рукавами.

Под водой оказалась часть берега — почти аккуратно, будто кто-то вырезал ножом кусок из пирога: три дома накренились и завалились в рукав, четвёртый стоял, но пол у него провис волной, пятый держался на одной свае, как человек на одной ноге.

— Тут не ломали, — тихо сказала Ниса, оглядывая ушедшие под воду сваи. — Я за сорок лет всякое видала: паводок, оползень, провал. Паводок рвёт. Провал крошит. А это... — она кивнула на ровный срез берега. — Здесь берег раздвинули, чтобы пройти.

Кет уже сидел на корточках у края воды, прижав ладонь к мокрой свае.

На оставшихся мостках суетились люди: вытаскивали сундуки, клети с курицами, мешки муки, детские одеяла.

— Канаты на дома, которые ещё стоят! — крикнула Ниса, не дожидаясь приказа. — Томи, бегом к веранде, там ребёнок!

Тэй уже прыгнула на мостки и командовала без крика, но так, что слушались все:

— Не грузите одну сторону! По двое на настил! Ты, в синем, отойди от края! Да, ты!

Резан и Гран закрепили верёвку на толстом столбе, затем перебросили петлю на накренившийся дом, чтобы удержать его от последнего рывка.

Лиан встала на середине настила, закрыла глаза и тихо взяла низкий, ровный тон. Люди дышали вразнобой, паника отдавала в нитях острыми рваными вспышками. Её тон не останавливал воду, но возвращал дыхание в грудь.

Кет считал шёпотом, не отнимая ладони от сваи:

— Сейчас держит. Ещё... ещё... три минуты держит.

— Три минуты чего? — рявкнул кто-то из местных.

— До того, как эта свая сдаст, — ответил Кет, не поднимая глаз.

Мужчина побледнел, но не убежал — подхватил мешок и заработал быстрее.

Через три минуты свая действительно треснула.

Дом дёрнулся, мосток провис, закричала женщина. Резан успел схватить её за рукав и перетянуть на безопасную доску. Канат натянулся, взвыл, но удержал дом ещё на несколько секунд — ровно столько, чтобы Том вытащил из дверного проёма девочку лет пяти в мокром шерстяном платье.

Потом дом ушёл почти тихо, будто вода давно знала, что заберёт его.

Девочка вцепилась Тому в шею и не плакала — только шептала что-то одно и то же.

Лиан наклонилась, прислушалась.

— Она зовёт кота.

Том выругался сквозь зубы, сунул девочку Нисе на руки и нырнул в полузатопленный двор.

— Стой! — крикнула Тэй.

Но Том уже исчез за накренившимся забором.

— Чёрт... — Тэй осеклась и повернулась к Резану. — Держи верёвку. Если застрянет — подадим петлю.

Ниса поставила девочку на настил у себя за спиной. Дарас уже стоял рядом. Он без вопроса принял у неё свободный конец каната. Ниса перехватила верёвку ближе к петле и коротко кивнула. Дарас ответил тем же.

Через минуту Том вынырнул из-под навеса мокрый до нитки, с рыжим котом под мышкой.

— Живой, — сказал он.

Девочка впервые заплакала — громко, с облегчением. И этот плач почему-то всех сразу отпустил.

К вечеру они вывезли людей и вещи на сухой мыс в километре к северу.

Там уже развернули временный лагерь: два шатра из парусины, костёр из сырого хвороста, котёл с жидкой похлёбкой. Кто-то принёс стол и поставил на него список имён — тех, кто цел, тех, кого ищут, тех, кого уже не ждут.

Над списком сидела костлявая старуха в очках без одной дужки и записывала углём, поделовому спрашивая каждого:

— Имя? Кто ещё с вами был? Куда могли уйти?

Дагвен приехал ближе к сумеркам, в плаще без грязи и с мешком лекарств и бинтов на плечах — тащил сам, без охраны.

— Сколько? — спросил он у Тэй.

— Живых — сорок три. Трое пропали, двое под завалами, не достали.

Дагвен кивнул, быстро, без театра.

— Ночлег здесь небезопасен. Завтра переведём всех в складской квартал Ривса.

Ниса хмыкнула.

— В складском квартале крысы размером с детей.

— У нас теперь много детей, — спокойно ответил Дагвен. — Пусть знакомятся.

Ниса хохотнула неожиданно громко, и несколько человек вокруг даже улыбнулись.

Когда стемнело, Резан отошёл к воде и открыл журнал.

Он писал коротко, потому что руки дрожали от усталости:

Пятый день пути. Нижняя Четверть частично ушла. Вытащили сорок три. Домов — меньше. Людей — пока больше, чем потерь. Это хорошо.

Он поставил точку, но журнал не закрыл.

Лиан подошла и встала за плечом, глядя на страницу.

— Ты всегда пишешь после тяжёлого дня?

— Если не писать, всё смешивается.

— И что сегодня не должно смешаться?

Резан подумал.

— Девочка звала кота.

Лиан улыбнулась краем губ и взяла его руку. Ладонь у неё была холодной, но пальцы тёплые. Он сжал их в ответ.

Другой рукой она протянула ему кружку с тёплой водой, в которой плавали листья мяты.

— Марга бы сказала, что ты опять забыл пить.

— Марга сейчас далеко.

— Значит, я рядом, чтобы повторять её занудство.

Он взял кружку и выпил.

Кет подошёл позже, уже в темноте, когда лагерь затихал.

— Я послушал после обвала, — сказал он. — Счёт не изменился. За ним шесть старых отзвуков, уже тихих. И впереди ещё два.

— Шесть пройдено, — сказала Тэй, подходя к ним сзади. — А на маяке написано про восьмую. Значит, следующая у него — седьмая.

— Да. И дальняя теперь громче.

— Где?

Кет ткнул пальцем в тёмную линию берега на севере.

— За северным маяком. У самого маяка остался его след, а дальний стук идёт дальше по берегу.

Тэй присела на корточки, нарисовала на мокром песке схему рукавов.

— Если идём туда на рассвете, через большую протоку сэкономим час. Но там открытая вода и ветер.

— Идём через большую, — сказал Резан.

— Рискованно.

— Время рискованнее.

Тэй кивнула.

— Тогда подниму людей за час до света.

Она поднялась, но задержалась.

— Резан.

— Да?

— Ты правильно решил, что маяк подождёт.

— Решил я. Вытаскивала ты.

— Ты решил. Так бывает не всегда.

Резан посмотрел на неё.

Тэй кивнула и ушла к шатрам.

Ночью в лагере кто-то играл на трёхструнке.

Плохо, мимо такта, но упрямо — как в Эль-Сахе.

Старуха со списком имён пару раз шикнула, потом махнула рукой и перестала.

Дети заснули кучей под одним одеялом. Кот, спасённый Томом, устроился сверху, как командир гарнизона. Дагвен сидел у огня и чинил пряжку на сапоге ножом, будто у него не было людей для такой мелочи.

Гран делил похлёбку поровну, считая ложки вслух.

Ниса спорила с Томом, можно ли коптить рыбу в дождь, и победила аргументом «я живу дольше, значит, знаю лучше».

Резан долго смотрел на них в темноте и думал о старике.

Посланник входил в чужую волю и оставлял там один приказ. Старик работал с камнем, водой и расстоянием. После него люди сохраняли волю — только земля уходила из-под ног.

Резан однажды остановил Посланника, отказавшись подчиниться. Здесь одного отказа было мало. Нужно было понять, что старик готовит, и найти место, где его расчёт не сойдётся.

Белая вода была только началом. Старик ещё не дошёл до конца, а эти люди уже потеряли дома.

Под утро Резан проснулся от тишины. Вода рядом лежала неподвижно, без плеска.

Кет сидел у самой кромки, обняв колени.

— Что? — спросил Резан, садясь рядом.

Кет не повернул головы.

— Здесь ночью был тот же стук, что у мыса.

— Точка?

— Нет. Один раз.

Кет показал на камень у воды.

На камне была старая, почти стёртая насечка: круг, пересечённый двумя линиями, и маленькая точка в центре. Слой повторил движение, как тогда в Эль-Сахе.

Резан провёл пальцем по надрезу.

Камень был тёплым.

— Что это значит? — спросил он.

Кет пожал плечами.

— Не знаю. Но стук был здесь.

Резан выпрямился.

На востоке светлела полоса неба.

Тэй уже ходила по лагерю, будя кого-то шёпотом и пинком одновременно. Лиан застёгивала плащ, глядя на воду так, словно слышала в ней длинную ноту перед ударом. Ниса уже была на ногах, проверяла канаты. Дарас стоял у лодки и смотрел на море — как всегда, без карт.

Резан оглядел их и сказал:

— Собираемся. На маяк.

На этот раз никто не задал лишних вопросов.

Глава 6. Живые нити

Старый почувствовал их за полчаса до того, как увидел.

Не людей как таковых — порядок.

Людей можно прятать в складках местности, в камышах, за дюнами. Порядок спрятать труднее. Он слышен в нитях как ровный зубчатый ритм: короткий импульс, пауза, двойной отклик, снова пауза. Сигналы. Команды. Согласованные группы, не толпа. И ещё — холодное, тугое намерение, которое не спутаешь ни с чем. Эти шли убивать.

Власти наконец перестали спорить и начали действовать.

Он стоял на узкой каменной перемычке между лагуной и открытой водой. Справа — чёрные плавни, слева — пологий галечный склон к морю. Впереди — низкая гряда дюн и остов старой таможенной башни. Хорошее место для засады. Узко. Без обходов. С чистыми секторами обстрела.

Старый опёрся на посох и не ускорил шаг.

За его плечом темнели едва видимые контуры глухих. Звери шли в нитевом слое, только отбрасывая лёгкую тень в этот мир. Сегодня с ними был четвёртый — молодой, недавно пришедший из нижнего слоя, ещё рваный по краям, как плохо закалённый металл. Он нервничал и то появлялся плотнее, то снова расплывался в воздухе.

— Держи контур, — бросил Старый, не оборачиваясь.

Глухой услышал низкую ноту и замер. Линии его тела стали твёрже.

Из дюн взлетели красные флажки. Сразу после — свист. Чёткий сигнальный свист по три ноты.

И в ту же секунду с трёх сторон ударили арбалеты.

Старый ушёл в слой нитей — неглубоко, на долю дыхания, краем тела. Болты прошили воздух, где он только что стоял. Один полоснул предплечье, ещё два рванули плащ у рёбер.

Кровь потекла тонкими струйками.

— Есть! Попадание! — крикнул кто-то из вейнцев.

Из-за дюн поднялись люди. Сорок. Старый пересчитал их ещё до того, как первая линия сомкнула щиты.

Салендарская морская пехота: короткие кольчужные куртки, круглые щиты, копья с широкими наконечниками. Вейнские стрелки в лёгких плащах с мощными арбалетами. Арнские пикинеры в тяжёлых нагрудниках с длинными пиками и прямоугольными щитами. Все шли в одном темпе, сохраняя расстояние между рядами.

Салендарский командир — сухощавый, с седым ежом волос и шрамом через бровь — поднял руку и резко опустил. Первая линия щитов пошла вперёд бегом.

Старый вскинул ладонь. Нити под ногами отозвались резко — здесь, у моря, они были тоньше, чем на суше, но он умел работать с тонкими. Каменная перемычка под передним рядом пехоты ушла вниз на пол-локтя и треснула зигзагом. Двое щитоносцев рухнули в провал. Третий успел перепрыгнуть и тут же получил удар посохом в горло.

Строй не успел перестроиться.

Старый изменил тон — два коротких спада. Два контура отделились от него; старый зверь остался рядом. Молодой помедлил и сорвался следом, не дождавшись своей ноты.

Воздух за спинами пехоты дрогнул. Рябь сгустилась, обрела плечи, тяжёлые лапы — и из неё шагнули две тени.

Первый зверь вышел за два шага до строя и в прыжке налился тяжестью. Щиты треснули под его грудью. Двое пехотинцев исчезли под тёмной тушей. Третий застыл, вцепившись в копьё, и зверь снёс его одним ударом лапы. Кровь брызнула на соседние щиты.

— Держать строй! — заорал кто-то из сержантов.

Второй зверь не бросился в центр. Он исчез и вышел из слоя на фланге, среди перезаряжавших арбалеты. Первый стрелок лишился руки, второго зверь подмял под себя и исчез прежде, чем остальные успели ударить. Фланг развернулся за ним и открыл строй. В разрыв вломился молодой — плотный, тяжёлый, слишком настоящий.

Третий зверь — старый, с серой, почти каменной шерстью, — в слой не уходил. Он оставался рядом со Старым, двигаясь в такт его дыханию.

Каждый раз, когда болт летел в старика, зверь смещался — не исчезал, а становился плотнее в том месте, куда целились. Он принимал удар на себя, гасил скорость, заставлял болт уйти в сторону.

Третий болт ушёл в сторону у самого плеча Старого. Салендарский командир сменил цель.

— Фланги — на зверей! Остальные — в старика! — крикнул он. — Все вместе, бейте в него!

Удар пошёл не на зверей, а на самого Старого. Два болта и копьё одновременно. Старый ушёл в слой, но не полностью: копьё задело плечо, и он на миг потерял равновесие. Его тело на секунду стало слишком плотным, слишком настоящим.

Старый зверь дёрнулся, пытаясь прикрыть его, но не успел.

Болт вошёл Старому в плечо — неглубоко, но достаточно, чтобы кровь потекла по рукаву.

Зверь повернул голову к командиру и прыгнул на копейщиков. Он не прятался и не уклонялся — шёл напролом, ломая древки и сбрасывая людей с перемычки. Чужая кровь стекала с его морды.

Вейнцы развернули арбалеты. Старый коротко опустил тон, отзывая молодого в слой.

Тот услышал, но запоздал на полвдоха. Остался плотным среди стрелков, и три болта вошли ему в основание шеи, где контур был плотнее всего.

Он взвыл беззвучно и начал терять форму. Контур пошёл рябью. Зверь попытался уйти обратно в слой, но железо удержало его здесь.

Его тело осело и растеклось; на камне осталась тёмная лужа.

Старый держал в уме четыре чужих ритма. Один оборвался. Он пошатнулся и на миг потерял счёт.

Салендарский командир заметил эту заминку и выкрикнул короткий приказ.

Шестеро вышли из резерва и пошли на Старого клином. Они видели, как он исчезает и откуда приходят звери, но не замедлили шага.

Старый отступил на шаг и снова взялся за нити — на этот раз не за камень, а за воздух между собой и клином.

Он растянул три нити в дрожащий веер, создав зону, где плотность слоя менялась скачками.

Первый мечник, войдя в эту зону, споткнулся на ровном месте — его нога на долю мгновения ушла глубже, чем должен был позволить камень. Он упал.

Второй, видя это, попытался обойти, но Старый уже сместился сам — ушёл в слой, вышел сбоку и ударил посохом под колено. Хруст. Мечник закричал и осёкся.

Третий и четвёртый ударили одновременно: один — мечом в корпус, второй — копьём под ребро.

Старый ушёл в слой от меча, но копьё задело — железо вошло в бок на палец. Он зашипел, вышел из слоя и перехватил древко. Солдат, державший копьё, на миг встретился с ним глазами. Молодой. Лет двадцати. С родинкой у рта.

Старый вырвал древко и ударил тупым концом в грудь. Солдат отлетел, но дышал.

Командир поднял меч и пошёл сам.

Первый удар заставил Старого уйти в слой. Командир не довёл движение до конца — развернул клинок туда, где тот должен был появиться.

Старый вышел слева на полшага раньше. Лезвие всё равно рассекло плащ и кожу на предплечье. Кровь брызнула на камень. Настоящая. Горячая.

— Хорошо, — сказал он почти беззвучно.

Он шагнул внутрь удара — туда, где меч уже прошёл, — и ударил ладонью в грудь. Командир отлетел на три шага, выронив меч. Рёбра хрустнули.

Старый посмотрел на него. Офицер дышал тяжело, с хрипом. Смотрел снизу вверх — без мольбы, с холодным вниманием.

— Уводи. Пока можешь.

Вейнцы прикрыли отход последней серией болтов — уже не по Старому, а по зверям. Один стрелок споткнулся о труп. Товарищ вернулся за ним и попал под удар.

Зверь сомкнул челюсти на его плече и вместе с ним растворился в нитевом слое. Первый стрелок поднялся и побежал вслед за отрядом.

Через три минуты на перемычке остались Старый, трое зверей, раненые и мёртвые.

Старый стоял, тяжело дыша. Кровь из раны на боку текла в сапог. Плечо наливалось болью. Предплечье саднило от мечевого пореза.

Переходы начали сливаться. Раньше после каждого тело успевало собраться прежде, чем требовался следующий. Теперь бок всё ещё оставался чужим, когда приходилось снова уходить в слой. Старый попытался восстановить счёт и не смог.

Назад ушла едва половина.

Старый подошёл к молодому солдату с родинкой. Тот лежал на боку и дышал — коротко, с хрипом. Пальцы Старого замерли на его вороте. Потом он перевернул солдата, чтобы тот не захлебнулся кровью, и положил рядом флягу воды.

Потом встал и пошёл к северной гряде. За спиной, припадая на одну лапу, шёл самый старый зверь. Рядом двигались двое других — быстрые, почти невредимые, с чужой кровью на мордах.

Четвёртый, молодой, остался тёмной лужей на камнях.

Старый не обернулся.

*

До маяка в то утро они не дошли. Ночью Дагвен готовил перевод людей в складской квартал Ривса. На рассвете, когда лодки уже отошли от лагеря, просели опоры мостка у северного рукава. Тэй развернула лодки обратно.

В тот же день, когда отряд бился на перемычке, Резан держал нити над этим мостком.

Мосток вёл к складу сушёной рыбы и с виду был обычной дрянной конструкцией из старых досок. На деле — ключевая переправа для лагеря переселенцев: через него с вечера уже возили воду, еду и детей с горячкой к Нисе, которая умела делать из трав то, что в городах называли «чудом», а в деревнях — «опытом». Без мостка людей не вывести к складам Ривса.

После ночного сдвига четыре опоры ушли. Но не в ил — глубже. Резан опустился на колено у крайней сваи и увидел разрыв. Нити под мостком ещё держали доски, но уже не держали друг друга. Ещё одна телега — и опоры ушли бы следом за дном.

— Он не просто проходит, — проговорил Резан вслух. — Он оставляет ловушки. Слабые места, которые срабатывают позже.

— Не ловушки, — поправил Кет, не отрывая взгляда от воды. — Следы. Он проходит, а место ещё долго не может успокоиться. Иногда рвётся потом, от случайного шага.

Вода просела в тонкую щель между слоями. Новая свая ушла бы в неё так же, как старые.

Поэтому здесь работали не строители.

— Если мы будем каждый раз выбирать между «догнать старика» и «починить мост», мы разорвёмся на части, — проворчала Тэй, закрепляя страховочный канат.

— Если бросим чинить мосты — зачем тогда всё, — отозвался Резан. — И потом — их кроме нас никто не починит. Здесь дно провалилось не в воду. В слой.

Тэй замолчала на секунду, потом кивнула.

Кет сидел на перевёрнутом ящике и отбивал по доске ногтем ритм опор.

— Держит три минуты. Потом правая средняя опора поплывёт. Нити под ней — как гнилая пакля. Если просто вбить сваю, она уйдёт туда же.

— Принято. Лиан?

Лиан стояла в воде по щиколотку, ладонями к настилу, и держала низкий ровный тон — не для того, чтобы укрепить мост, а чтобы успокоить нити под ним. В месте истончения они «срывались» в дурной разнобой, и без ровного тона любая работа с ними была опасна.

— Могу дать вам окно на две минуты двадцать. Больше — сорвусь. Здесь всё идёт вразнобой.

— Две двадцать — роскошь, — хмыкнула Тэй. — Резан, твоя часть.

Резан выдохнул и положил ладони на крайнюю опору.

Раньше он тянул нити силой и принимал всю тяжесть на себя. Теперь он искал среди рваных живые и делил тяжесть. Так его самого не должно было разорвать первым.

Но удержать мост было мало. Нужно было стянуть края разрыва.

— Начинаю, — сказал он.

За глазом проснулась знакомая боль — та, что приходила при точной работе.

Он увидел рваные нити с тёмными концами и живые, натянутые до предела. Три легли на железный штырь, который держал Том. Ещё три — на каменный блок у берега, где страховал Гран. Резан нашёл края разрыва и начал сводить их. Не сращивать — на это не хватило бы сил. Только стянуть и удержать.

— Том, не дёргай. Дыши в счёт.

— Я и дышу.

— Ты дышишь как человек, которого сейчас вырвет.

— Так и есть.

Тэй фыркнула.

Лиан, не открывая глаз, чуть сместила тон — ниже, мягче. И край разрыва поддался. Нити потекли медленно, вязко, но всё-таки навстречу друг другу.

Мосток под ногами тихо скрипнул и выпрямился на палец.

— Есть! — крикнул Том.

— Не ори, — сразу сказала Тэй. — Орать будем после.

Они вогнали две новые сваи и затянули хомуты. Но главное было сделано раньше: разрыв закрылся. Теперь новые сваи не должны были уйти следом за старыми.

Резан чувствовал, как по рукам идёт дрожь — не от страха, от перенапряжения. Лиан держала тон до последнего и, только когда Тэй крикнула «готово», опустила ладони и тяжело села прямо на мокрый настил.

— Две минуты двадцать одна секунда, — сказал Кет. — Ты выиграла секунду.

Лиан усмехнулась без сил.

— Значит, ещё не выдохлась.

Тэй протянула ей флягу.

— Пей. И не хорони себя раньше времени — вон Резан держится.

— Я не держусь, — сказал Резан и сел рядом, разминая кисть. — Я просто молча страдаю.

Мосток выдержал пробную телегу.

Потом вторую.

Потом по нему прошла старуха с мешком лука и сказала, не останавливаясь:

— Спасибо, дети.

Ближе к вечеру в лагерь влетел вейнский курьер на взмыленной лошади.

Парень был молодой, с обветренными губами и глазами человека, который ехал без остановки по плохим дорогам.

— Где Дагвен? — выдохнул он.

— На южной линии, — ответила Ниса. — Что случилось?

Курьер сглотнул и посмотрел на Тэй, видимо, узнав её по описанию.

— Сводный отряд вышел на цель у северной перемычки. Контакт состоялся. Потери... — Он запнулся. — Большие. Цель не ликвидирована. Движется дальше.

Вокруг стало тихо.

— Какой отряд? — спросил Резан.

— Сводный. Наши стрелки, арнские пики, салендарская пехота. Совет сговорился с ними ещё до вашего приезда.

Тэй взяла у него мокрый пакет с печатями, пробежала глазами первые строки и выругалась.

— Командир жив? — резко спросила она.

— Тяжёлое ранение. Вынесли. Говорят, он сам пошёл на старика.

— Арнцы?

— Потеряли передний резерв. Половина тех, кто держал правый фланг, не вернулась.

— Вейн?

— Тоже сильно.

Курьер вытер рукавом лицо.

— Они дрались грамотно. Но там было... — Он осёкся, подбирая слова. — Там было не как с человеком. Он исчезал. Прямо из-под удара — раз, и нет. А потом возникал в другом месте, за спиной. И с ним были звери. Огромные, как кони, только ниже и шире. Тоже появлялись из воздуха. Солдаты даже не понимали, куда бить. — Он сглотнул. — В рапорте написали «неучтённые формы противника». А по-человечески — не знаю, как назвать.

Тэй развернула рапорт на бочке и провела пальцем по строчкам.

— Болты его всё-таки достали, — сказала она. — Значит, он не всегда успевает уйти полностью.

— Или не хочет, — возразил Резан. — Полный переход обходится дороже.

— Ты это увидел или предполагаешь?

— Предполагаю. Но после нескольких переходов он начал ошибаться.

Тэй перечитала середину листа.

— Молодой зверь распался после трёх попаданий в шею.

— Не в шею, — сказал Кет. — Туда, где он держался. Железо попало — и всё.

Тэй посмотрела на него, но переспрашивать не стала.

— Командира старик отпустил, — сказала Лиан. — Другому раненому оставил воду.

— Это ничего не доказывает, — отрезала Тэй.

— Доказывает, что он видел перед собой людей.

— И всё равно продолжил путь.

Резан снова посмотрел на строки о раненых. Ответа здесь не было. Только несколько вещей, которые можно было проверить.

— Если переходы его выматывают, надо заставить его переходить чаще, чем он собирался, — сказал он. — Не победить сразу. Сбить ему счёт.

— Если выматывают, — напомнила Тэй. — На одной догадке бой не строят. Но проверить можно.

Резан посмотрел на Тэй.

— Пока мы чинили мостки, они умирали.

Тэй посмотрела на мосток. По нему снова шли люди.

— Сорок три человека, Резан.

— Я помню.

— Тогда не заставляй меня решать за тебя, кого из них надо было бросить.

Резан не ответил. Но запомнил.

Лиан прижала пальцы к вискам.

— Он ускорился.

— Кто? — спросил курьер, не понимая.

— Старик, — сказал Кет. — После боя его стук стал чаще.

Дарас, сидевший на бухте каната и молча слушавший весь разговор, вдруг сказал:

— В рапорте три войска. Команда у них общая, а ритма три. Каждый бьёт своим оружием.

— А старик? — спросил Резан.

— У него со зверями один ритм. Как у вас на мосту. Может, поэтому он их и разбил.

Резан посмотрел на него внимательно. Дарас редко вмешивался в такие разговоры.

— Сколько до седьмой точки? — спросил Резан.

Тэй развернула карту на бочке.

— Если пешком по берегу — сутки с хвостом. Если лодками через внешнюю протоку и без задержек — часов шесть. Но внешняя протока под ветром, там можно потерять людей.

— Потеряем больше, если не успеем.

— Мы только что вытащили пол-лагеря из воды, — сказала Тэй. — Люди на пределе.

— Мы тоже на пределе.

— Именно.

Спор прервал Дагвен, который подошёл незаметно и уже слышал половину разговора.

Он был бледнее обычного.

— Совет дал разрешение, — объявил он. — Руст подождёт, пока старик режет нам побережье. Я открываю вам военный коридор по протоке и отдаю две быстрые лодки. Но предупреждаю: если пойдёте, вернётесь не все.

— Это мы и так знаем, — негромко отозвалась Лиан.

Дагвен кивнул.

— Ещё одно. Выжившие заметили: звери при нём — не просто стража. Они чувствуют его намерения. По словам одного солдата, старик даже не оборачивался, а зверь уже бил именно туда, куда целился стрелок с фланга. Они связаны с ним напрямую.

Резан посмотрел на Кета.

— Ты знал, что он так может. Исчезать.

Кет кивнул.

— Да.

— Почему не сказал?

— Я говорил, что он «не только здесь». Ты не понял.

Резан хотел огрызнуться, потом осёкся. Кет говорил это несколько раз — другими словами, по-детски. И сам Резан правда не понял.

В сумерках весь лагерь пришёл в движение.

Ниса распределяла сухари и соль по мешкам. Гран точил крючья на длинных шестах — «если та дрянь, про которую гонец говорил, полезет в воду — зацепим хотя бы край». Том таскал канаты и делал вид, что не хромает после утренней работы. Старуха со списком имён вдруг принесла им четыре тонких шерстяных шарфа.

— Ночью на внешней протоке продрогнете до костей, — сказала она. — Надевайте, без разговоров.

Резан взял шарф и спросил:

— Вы нас вообще знаете?

— Достаточно, — ответила старуха. — Вы из тех, кто идёт туда, куда нормальные не ходят. Такие либо дураки, либо нужные. Вы, похоже, оба варианта.

Тэй расхохоталась впервые за день.

— С этим трудно спорить.

На причале булочница из Ривса — она с утра привезла переселенцам две корзины хлеба — снова сунула Кету хлебец, уже холодный.

— На обратную дорогу.

Кет серьёзно кивнул.

— Мы вернёмся.

Булочница пожала плечами.

— Я не про это. Я про то, что дорога всегда обратная. Даже если не сюда.

Резан запомнил фразу, не зная зачем.

Перед отходом Тэй устроила короткую тренировку прямо на причале.

— Ты слышал, как он это делает, — сказала она Резану, кивнув в сторону севера, где осталась перемычка. — Исчезает из-под удара. Не весь — краем. На полвздоха. Ты тоже так можешь.

Резан покачал головой.

— Я не он. У меня клеймо. Оно не пускает — тащит. Всегда тащило. Любой вход — через клеймо. Любой выход — тоже.

— Ты всегда ждёшь, пока клеймо откроет тебе дорогу, — сказала Тэй. — На этот раз не жди.

— И что делать?

— Не знаю. Для начала пойми, где кончается его движение и начинается твоё.

Резан закрыл глаза. Клеймо на шее привычно запульсировало — тёплой, почти уютной болью. Оно дёрнулось раньше, чем он решил, куда идти.

— Сначала — как обычно, — сказала Тэй. — Смотри нити. Те, что ближе к телу.

Он увидел их сразу. Серебристые, яркие, натянутые. Так он видел нити в Вэле. Так видел их под мостками утром. Клеймо выхватывало самые прочные пучки и подталкивало: хватай, тяни.

— А теперь, — сказала Тэй, — не входи. Просто перестань смотреть через клеймо.

Резан попытался. И в ту же секунду мир провалился.

Клеймо дёрнуло — не в сторону, не в слой, а вглубь, туда, где нити кончались и начиналась Глубина. Резан почувствовал холод — не телесный, а тот, что приходит, когда перестаёшь быть уверенным, где заканчиваешься ты и начинается всё остальное. Перед глазами поплыли не нити — тени. Тени тех, кто носил этот металл до него. Чей-то крик. Чей-то смех не там. Детский рисунок на стене — лошадь, дом, окно. Всё смешалось.

— Держу! — Тэй схватила его за плечо — крепко, по-простому — и заговорила низко, ровно, чтобы ему было за что держаться.

Резан вынырнул из слоя с хрипом. Колени подогнулись. Он упёрся ладонью в доски причала, тяжело дыша. Из левой ноздри текла кровь — тонкой, почти незаметной струйкой.

— Я же говорил, — выдохнул он. — Не пускает.

— Я сказала: «Не входи», — напомнила Тэй.

— Я не шагал. Оно само.

— Значит, оно шагнуло за тебя. В следующий раз поймай мгновение до рывка. Больше я тебе не подскажу — я не носила эту дрянь.

Резан вытер кровь. Посмотрел на свои пальцы — серебристые прожилки пульсировали быстрее обычного.

— Ещё раз.

— Дай минуту.

— Минуты нет. Старик не ждёт. Давай.

Он закрыл глаза снова. На этот раз не потянулся к нитям сразу. Подождал. Клеймо отозвалось первым и дёрнуло его в знакомую глубину. Резан почувствовал начало рывка и не пошёл за ним. Остался.

— Чувствую, — сказал он. — Край. Не мутный. Просто... другой.

Тэй ждала.

— Нити. Но не те — не яркие. Много. Мелкие, как паутина до горизонта. И в них... — он замолчал, вглядываясь.

Резан сделал полшага. Не телом. Тем, что держало его собственные нити. Мир на секунду раздвоился. Он был одновременно здесь — ушами слышал плеск воды, носом чувствовал соль, — и там, где всё было тоньше.

Он увидел Лиан.

Она стояла у дальних сходен, опустив ладонь к воде. Тонкие серебристые жилы собирались под её пальцами и расходились ровным узором — не против ветра, а вместе с ним.

Он увидел Кета.

Тот сидел на перевёрнутой лодке и считал одними губами. Камень у его ноги отзывался ему нитями внутри. Эхо уходило в землю, дальше, до самого горизонта, и возвращалось к мальчику.

Тэй стояла на границе. Её нити не дрожали. Она ждала здесь.

Резан выдохнул. Мир снова стал плотным.

— Было. На этот раз сам.

— Я... видел. Не как раньше. Раньше я смотрел на нити — как на карту. А теперь я был среди них. Как будто раньше я читал про лес, а теперь в лесу.

— Запомни, как ты остановился перед рывком. Повторить будет труднее.

— Оно не хотело пускать меня без себя.

— Может быть, — сказала Тэй. — А может, оно просто не знает другого пути. Не придумывай ему намерений, пока не научишься отличать их от своих.

Резан сидел на досках причала. Руки дрожали иначе, чем после тяжёлой работы.

Клеймо на шее было горячим. Но не жгло. Ждало.

Лиан подошла и опустилась на колени напротив. Ничего не сказала — просто положила ладонь ему на запястье. Тень её на досках лежала правильно.

— Ты видела? — спросил он.

— Я слышала. Твой тон на миг стал ровнее.

— Я перестал спорить с клеймом.

Кет поднял голову:

— Ты был там, — сказал он. — Я слышал.

Резан кивнул.

Тэй хмыкнула.

— Один раз на тихом причале. В бою клеймо потянет сильнее.

— Знаю, — сказал Резан.

— И?

— Идём.

Они вышли на внешнюю протоку уже в темноте.

Две быстрые лодки, по пять человек в каждой. С ними шли Дарас, Ниса и ещё четверо вейнских гребцов — молчаливые, жилистые, с лицами людей, которые привыкли спорить только с ветром.

На берегу остались огни лагеря, запах супа, старуха со списком, булочница с тмином, дети, спящие с котом поверх одеяла.

Резан сидел на носу и смотрел, как киль режет чёрную воду.

Кет рядом считал — как считают дети, которым важно не сбиться: шёпотом, нараспев, раскачиваясь в такт.

— Шесть... шесть... шесть с половиной...

— «Половина» — это как? — спросил Дарас.

Кет наморщил лоб.

— Это когда ещё не открылась, но уже поздно закрывать. Как яйцо, когда внутри уже клюв, а скорлупа ещё целая. — Он подумал. — Примерно.

Дарас сплюнул за борт.

— Ненавижу такие ответы.

— Я тоже, — сказал Резан.

Он достал журнал и написал в темноте почти на ощупь:

Шестой день. Курьер принёс весть: на перемычке был бой. Сорок человек его не остановили. Он исчезает из-под удара. Звери при нём — не стая, продолжение. Дарас заметил: у старика со зверями один ритм. Значит, и нам нужно держать один. И стать быстрее. Иначе не успеем.

Он закрыл журнал.

Впереди, далеко на севере, над линией берега вспыхнул короткий белый отблеск.

Не молния.

Тонкая вертикальная полоса, как порез в ткани ночи.

Кет замолчал.

— Шесть с половиной, — сказал он. И больше не считал.

Резан повернулся к нему, но Кет уже закрыл глаза — не спал, а слушал.

Никто не переспросил.

Лодки пошли быстрее.



Глава 7. Седьмая точка

Сторожку они нашли ближе к полуночи — низкое каменное строение с наполовину провалившейся крышей, но с целыми стенами и очагом, в котором ещё лежала зола. Кто-то был здесь до них. Разводил огонь, сидел на этом же полу и смотрел на те же трещины в стенах. Гребцы остались у лодок, под парусиной.

Дарас попытался разжечь в очаге сырые ветки. У него не получалось — ветки шипели, дымили, но не загорались. Он ругался негромко, с той особой интонацией, которую Резан уже начал узнавать: не со зла, а по привычке выговаривать усталость.

— Ты бы ещё сказала, что я неправильно дышу, — буркнул Дарас, когда Ниса, не выдержав, забрала у него огниво.

— Ты неправильно дышишь, — ответила Ниса, не поднимая глаз. — И ветки надо ломать, а не гнуть. Тогда открывается сухая сердцевина. Смотри.

Она сделала это за минуту. Огонь занялся ровно, без дыма.

— Я запомню, — пообещал Дарас.

— Запоминай. Мне нужны живые, а не мертвецы, которые умеют красиво ругаться.

Дарас хмыкнул, но ничего не ответил.

Лиан сидела у стены, завернувшись в плащ, и не пыталась участвовать в разговоре. Резан заметил, как она смотрит на стену — не на ту, где была дверь, а на ту, где проступали стёршиеся детские рисунки, нарисованные углём много лет назад. Кто-то рисовал лошадей. Кто-то рисовал дом с трубой, из которой шёл дым. Совсем маленький художник, который, возможно, уже вырос, а возможно — нет.

Кет подошёл к рисункам. Он тоже смотрел на них. Молча. Потом спросил:

— Ты тоже рисовала?

Лиан помедлила, потом ответила:

— Да. В Эмпире. На стенах подвала, пока никто не видел.

— Что ты рисовала?

— Окна, — проговорила Лиан. — Я рисовала окна, чтобы было куда смотреть.

Резан смотрел на неё через огонь. В свете углей её взгляд на миг стал жёстче. Потом Лиан моргнула.

Кет долго молчал.

— Я не рисую, — признался он. — Я считаю.

— Это тоже окно, — отозвалась Лиан. — Просто другое.

Кет кивнул. Он не улыбнулся, но плечи у него опустились.

Дарас, устроившийся у входа с топором на коленях, перекатывал в пальцах плоский речной камешек, потом нарушил молчание:

— Там темно. — Он кивнул в сторону дверного проёма. — И тихо. Слишком тихо.

— Это хорошо, — ответила Тэй, не поднимая головы от карты. — Тишина значит, что нас пока не ждут.

— Или что нас ждут очень внимательно, — добавил Дарас.

Резан посмотрел на него. Дарас не сводил глаз с дверного проёма.

Резан перевёл взгляд на Кета. Мальчик всё ещё стоял у стены, но теперь его пальцы двигались по линиям рисунков — не касаясь, просто рядом. Как будто он читал что-то, что другие не видели.

— Что там? — спросил Резан тихо.

Кет не обернулся.

— Ничего. Слишком старое. Я не слышу.

Кет убрал руку, отошёл от стены и сел у очага, поближе к теплу.

Резан достал журнал. Открыл на чистой странице. Написал:

Перед седьмой точкой. В сторожке тепло. Дарас дежурит у двери. Кет сидит у очага. Никто не говорит о завтрашнем дне.

Он закрыл журнал. Тэй в третий раз проверяла карту. Ниса сушила у огня чистые повязки. Дарас слушал темноту. Было почти спокойно.

Завтра — бой. А сегодня — просто ночь.

Спали по очереди, не разуваясь. Затемно, задолго до рассвета, Тэй засыпала угли, и они вышли.

Внешняя протока шла мимо длинной отмели, заросшей жёстким приморским тростником. Тростник стоял неподвижно, хотя дул ветер. Это первое, что отметил Резан, когда лодки притёрлись к мокрому камню.

— Не качается, — прошептал Кет.

— Знаю, — ответил Резан.

Дарас спрыгнул на камни первым, придержал нос лодки, потом протянул руку Лиан. Лиан приняла её молча, не глядя на него: всё внимание уже было впереди, у тёмной полосы дюн.

Ниса вылезла последней из второй лодки, поправила перевязь с лекарским инструментом и проверила, на месте ли сухари в боковом кармане.

— Если что — я в пятнадцати шагах за щитами. Не геройствуйте, тащите ко мне.

— Договорились, — сказала Тэй.

Четверо вейнских гребцов встали в две пары: двое у лодок, готовые к отходу, двое — с отрядом. Помимо топоров и круглых щитов, они взяли короткие арбалеты. Молчаливые, без лишних движений. Из тех, кто понял условия задачи ещё на воде.

Резан посмотрел на восток.

Над линией берега висела та самая тонкая вертикальная полоса, которую они видели с лодки ночью. Сейчас, вблизи, она была не белой и не светящейся. Она была прорезанной: будто кто-то аккуратно расщепил воздух надвое и держал щель открытой пальцем.

Кет сел на корточки и положил ладонь на камень.

— Он уже здесь, — выдохнул он. — На минуту раньше нас.

— На минуту, — повторил Резан.

— Я считал по ритму. Минуту, может, две.

Тэй коротко кивнула и развернула карту на колене.

— Тогда не строимся в линию. Строимся в треугольник, как договаривались. Резан — остриё. Лиан — за ним вплотную, не дальше двух шагов. Кет — с моей стороны, под локтем. Я держу выход.

— Это не сама точка, — добавила она, коснувшись кружка на карте. — По карте седьмая за высоким мысом, примерно в километре по прямой. По берегу туда не пройти: обрыв. Придётся возвращаться к лодкам и огибать мыс.

— Она там, — подтвердил Кет. — А эта щель тянется к ней.

— А мы? — спросил Дарас.

— Вы — щит и фланг. Не лезьте в центр. Если центр падёт — вы должны увести Кета. Не нас. Кета.

Дарас не стал спорить.

Они поднялись на дюну и увидели его.

Старик стоял у самой щели, спиной к ним, опираясь на посох. Плащ висел тяжело, мокрый по подолу; на боку ткань потемнела и заскорузла не от воды. На посох он опирался всем весом. Песок вокруг него был ровным и сухим, без единого следа.

Рядом с ним держались двое зверей. Приземистые для своего роста, длинные, на мощных передних лапах, с вытянутыми мордами и дрожащим краем контура. Резан видел одновременно плоть и светящиеся тяжи, которые удерживали её в этом слое.

Старик не обернулся, но заговорил:

— Подойдите.

Голос донёсся ровно, не потерявшись ни в расстоянии, ни в ветре.

Резан шагнул первым. Лиан — на расстоянии вытянутой руки за ним. Кет — сбоку от Тэй. Дарас и двое вейнцев заняли фланг, Ниса осталась за камнем ниже по склону.

Старик повернул голову, не разворачивая корпуса.

Резан впервые увидел его лицо вблизи. Очень уставшее, с сухой кожей и тонкими белыми полосками на скулах. Глаза не светились. Светилась за ним щель.

— Я ждал тебя, — сказал старик Резану. — Не лично. Просто кого-то, кто держит нити.

— Я тоже, — ответил Резан.

— Тогда давайте по делу. Вы хотите остановить меня здесь.

— Да.

— У вас не получится.

— Возможно.

Старик кивнул, будто услышал именно тот ответ, которого хотел.

Лиан за спиной Резана взяла один тон — низкий, на грани слышимого. Тростник за их спинами качнулся.

Старик повернул голову на этот тон.

— А, — протянул он. — Та, что пела существу из Эстара. Я слышал тот ответ. Ты удивила не только его — меня тоже.

Лиан не ответила.

— Ты знаешь, что ты там сделала?

— Знаю.

— Не до конца. — Он перевёл взгляд на Кета. — Мальчик-ритм. Ты считаешь быстрее, чем я в твои годы.

Кет не отвёл глаз.

— Ты тоже считаешь. Только наоборот.

Старик чуть приподнял уголок рта. Потом посмотрел на Тэй.

— Тебя учил ходить кто-то старый. Старше меня.

— Он научил, — спокойно ответила Тэй. — В том числе стоять.

— Жаль, что не сегодня.

И ударил.

Из песка слева беззвучно поднялся третий зверь. Он лежал плашмя, вдавив контур в мокрую отмель, и до последнего ничем себя не выдал.

Скрытый зверь в полной плотности пошёл на Кета. Тэй выбросила ладонь, и воздух перед мальчиком на миг стал плотнее, зеркальнее — зверь прошёл сквозь это место и исчез, выброшенный в слой. Тэй пошатнулась.

Один из зверей у щели рванулся к лодкам. Резан повернулся за ним, но второй уже двинулся навстречу и отрезал путь.

За плечом Резан увидел только обрывки: Дарас оттолкнул Нису глубже за камень; когти полоснули её плечо; топор вошёл зверю под ухо.

Зверь перед Резаном закрыл остальное. Послышался тупой хруст и голос Нисы:

— Дарас!

У лодок закричал вейнец. Резан успел увидеть падающий щит и человека под зверем.

Тетивы щёлкнули одна за другой. Зверь дёрнулся, сделал ещё шаг к стрелкам, и его повело. Из-под уха торчали три болта рядом с раной от топора.

Он попытался уйти в слой, как уходил прежде. Не смог: слишком много железа держало форму. Край тела пошёл рябью, лапы заскребли песок, и он оседал долго, кусками, пока от него не осталась только тёмная лужа на песке.

Старик не обернулся. Только рука на посохе дрогнула.

Зверь перед Резаном пошёл в лоб.

Резан видел плотное тело и узлы, державшие его форму. Он развёл пальцы. Нити отозвались сразу. Резан ухватил ближний узел и дёрнул в сторону, ломая зверю прыжок.

Контур сорвало рябью. Лиан поймала эту рябь тоном. Зверь сбился с шага, но удержался и прыгнул.

Не на Резана.

На Лиан.

Она стояла вполоборота, держа тон, и не видела удара. Зверь возник слева — всей массой, целя передними лапами ей в грудь.

Резан не успел подумать.

Он шагнул вслед за зверем. Не краем — весь.

Песок, ветер и крик Нисы исчезли. Осталось натяжение. Собственные нити прошли сквозь тело серебряным холодом, и Резан на миг перестал понимать, где заканчивается он и начинается зверь.

Звериный узел рвался к Лиан. Резан вцепился в него. Нити затянулись вокруг его рук, боль прошла от пальцев к плечам. Можно было отпустить и вернуться. Тогда зверь вернулся бы вместе с ним — уже внутри её тела.

Резан потянул.

Узел не поддался. Он потянул сильнее, пока уже не мог различить, что именно сейчас рвётся — зверь или он сам.

Поддались оба.

Нитевая форма лопнула с тихим звоном. Следом с влажным треском разошлась плоть. Верхняя половина туши рухнула в песок у ног Лиан. Нижняя — в двух шагах левее. Чёрная кровь вскипела на границе слоёв.

Тишина.

Резан вернулся не сразу. Песок оказался слишком твёрдым, собственные руки — незнакомыми. Клеймо жгло шею до ключицы. Из носа текла кровь.

— Резан, — позвала Лиан.

Имя относилось к кому-то другому. За ним пришли чужие обрывки: запах гари, женский крик, смех не в том месте.

— Резан.

Лиан сжала его запястье. Её тень на песке лежала правильно. Он узнал сначала её, потом собственную руку и только затем имя. Мир возвращался частями.

Старик смотрел на руки Резана. На дрожащие вокруг пальцев обрывки нитей. В его лице что-то изменилось — слишком быстро, чтобы Резан успел понять что.

— Хватит, — произнёс он.

Зверь, которого Тэй выбросила в слой, проступил возле щели. Старик опустил посох, и зверь исчез снова.

Резан не опустил руки.

— Ты убил моего человека.

— Да.

— Я тебя не отпускаю, — отрезал Резан.

— Тогда останови, — сказал старик.

Резан позвал нити. Они откликнулись с опозданием, и берег качнулся. За спиной Ниса снова произнесла имя Дараса — теперь тихо, уже не зовя.

Лиан стояла рядом. Живая. Бледная. Кет держался за локоть Тэй, а сама Тэй едва сохраняла равновесие.

Резан мог сделать второй шаг. Вернуться после него он обещать не мог.

Он опустил руки.

Старик едва заметно кивнул.

— Вот поэтому я в тебе ошибся.

— В чём?

— Догонишь — спросишь.

Он отступил к щели. Двумя пальцами коснулся её края, выровнял под рукой сорванную нить и встал в проёме.

— Имя у тебя есть? — спросил Резан.

— Меня звали Нэтт.

— Звали?

— Меня давно никто не зовёт.

Он шагнул внутрь. Щель закрылась за ним, как закрывается прорезанная и отпущенная ткань. Без вспышки. Без звука.

Резан простоял ещё несколько секунд. Потом колени подогнулись, и он сел в песок. Лиан села позади, спиной к его спине, чтобы было на что опереться. Кет подошёл и протянул флягу.

— Ты разорвал его, — проговорил Кет. — Я сбился со счёта.

— Я не хотел, — сказал Резан. — Оно шло на неё.

— Знаю, — тихо сказала Лиан.

Ниса уже сидела у тела Дараса. Она перевернула его на спину, закрыла ему глаза. Лицо серое, спокойное.

— Он меня толкнул. И всё. Даже не закричал.

Больше она ничего не сказала. Держала его ещё тёплую руку и большим пальцем стирала песок с костяшек. Снова и снова, хотя стирать там уже было нечего.

Резан отвёл взгляд. Дарас лежал на песке. Топор валялся в двух шагах от его руки — тот, с которым он встал между зверем и Нисой.

Тэй стояла над убитым вейнцем. Двое его товарищей подошли молча. Короткое вейнское прощание — без слов, рукой на плечо.

— Заберём, — сказал старший.

— Заберём, — подтвердила Тэй.

Кет стоял у воды и считал.

— Седьмая, — сказал он. — Открывается.

— Сколько у нас?

— Часа три. Может, четыре.

Резан посмотрел на тело Дараса. Потом на Нису. Потом на Лиан.

— Лиан.

— Слышу.

— Ты сможешь? — Он помолчал. — Если нет — скажи. Найдём другой способ.

Она подняла голову. В глазах стояла спокойная, холодная вода.

— Смогу.

— Тогда грузимся.

Они подняли Дараса и вейнца в первую лодку, накрыли плащами. Нису посадили во вторую. Резан задержался на отмели, поднял с песка короткий топор Дараса и сунул за пояс.

— Зачем? — тихо спросила Тэй.

— Потому что иначе он останется здесь.

Лодки оттолкнулись от камня.

Резан сидел на носу и смотрел, как киль режет чёрную воду. Руки всё ещё дрожали. Кровь из носа остановилась, но вкус железа остался во рту. Клеймо на шее медленно остывало.

Впереди, за высоким мысом, в предрассветной серости проступал отсвет седьмой точки. Лодкам предстояло далеко забирать в море, обходя каменные отмели.

Кет тихо начал считать заново.

— Шесть с половиной... шесть с половиной...

— Кет, — позвал Резан. — Что именно ты считаешь?

Мальчик оторвал взгляд от горизонта.

— То, что он открывает. Седьмая почти открылась. Дальше — восьмая, самая дальняя, последняя. Все нити цепочки тянутся к ней. Что будет, когда он до неё дойдёт, — я не слышу. Слышу только, что он идёт именно туда.

— Сколько их всего? — спросила Тэй.

Кет на секунду прикрыл глаза.

— В этой цепочке — восемь. Но я слышу ещё две. Они не его. Они дышат сами.

— Западная, — сказал Резан. — Та, что осталась на Русте.

Они выбрали погоню за Нэттом вместо разведки для Вейна. Теперь западная точка дышала сама по себе, отдельно от его цепочки.

Кет кивнул.

— И ещё одна. Глубже. Я её пока не различаю.

Тэй медленно выдохнула.

— Значит, после седьмой у него останется одна — восьмая. И есть ещё две, о которых он, возможно, не знает.

— Или знает, — сказал Резан. — И считает иначе.

Тэй сложила карту и посмотрела на берег, где только что стоял Нэтт.

— Он работает как Орден, — сказала она. — Только наоборот. Орден закрывал разломы. Этот — готовит их к открытию. Но почерк тот же: точки, связки, расчёт на несколько ходов вперёд.

— Орден когда-то тоже начал с «подготовить», — тихо добавила Лиан. — А потом решил, что разломы можно не только закрывать. И кончил тем, что свои сжигали своих.

Повисла пауза.

— Но зачем? — вырвалось у Тэй. — Если он просто безумец — почему система? Почему восемь точек, а не хаос? Он считает шаги. Безумцы так не делают.

Никто не ответил.

Кет продолжил считать, положив ладонь на борт.

На каждой волне топор Дараса ударял Резана в бок. Он не стал его перекладывать.

Глава 8. Гольн, где замолчало море

Седьмая точка открывалась у деревни, о которой никто из них раньше не слышал.

Деревня называлась Гольн. На карте Тэй её даже не было — только кружок без подписи. Остальное — «рыбачье, дворов тридцать-сорок, староста Энвар» — она узнала у вейнских гребцов уже в лодке и приписала углём.

Гольн лежал по другую сторону того самого мыса. Мыс падал в море голой стеной, а от его подножия далеко тянулись каменные зубья. Пешком пришлось бы карабкаться через гребень, поэтому они пошли водой и взяли широкую дугу вокруг отмелей.

Лодки вошли в бухту Гольна через два часа после рассвета.

По дороге Лиан однажды позвала Резана, и он не откликнулся. Услышал имя, понял, что зовут его, но не сразу вспомнил, что это его имя. Лиан повторила и положила ладонь ему на плечо. Тогда имя вернулось. Резан сказал, что просто не расслышал.

Бухта была плохая для большой воды и хорошая для тех, кто живёт с малой: длинный каменный мол с одной стороны, низкий песчаный язык с другой, между ними — две дюжины тонкобортных лодок, уже вытянутых на берег. На молу стоял пожилой мужчина в просмолённой куртке и смотрел, как они подходят.

Это и был Энвар. Он не помахал.

— Вы вовремя, — сказал он, когда первая лодка ткнулась бортом в камень. — Или поздно. Не знаю, как у вас принято считать.

— По-разному, — ответил Резан.

Энвар перевёл взгляд на накрытые плащами тела в первой лодке.

— Ваши?

— Один наш. Один чужой, но наш.

Энвар коротко кивнул, будто такой ответ его устраивал.

— Положите в крайнем сарае. Там сухо. Я пришлю женщину с холстом.

— Спасибо.

— Не за что. У меня свои в этом сарае уже четверо.

Гольн встретил их тишиной.

Не пустотой. Тишиной.

В деревне ходили люди — носили воду, чинили сети, подметали утренний песок у порогов. Собака лаяла на лодки, но каждый лай обрывался у её пасти, не уходя дальше двора. Где-то в глубине одного из домов плакал младенец. Звуки были.

Но звуки были плоские.

Лиан, едва ступив на сухое, замерла на полушаге.

— Здесь нет лоэрри, — проговорила она.

— Это что значит? — спросила Тэй.

— Это значит, что у звуков нет эха. Не того, что от стен. Другого.

Резан посмотрел на неё внимательно.

— Они ушли?

— Замолчали. Архивариус говорил: это последнее предупреждение перед тем, как поднимется Глубина.

Кет уже сидел на корточках у мокрых мостков, прижав ладонь к доскам. Несколько раз сбился, переставил руку на соседнюю доску и начал считать заново.

— Точка близко, — сообщил он наконец. — Под этим берегом. Но счёт уходит на север. Отсюда не пойму куда.

Тэй медленно выдохнула.

— То есть выводить людей придётся прямо отсюда, с того места, где они стоят сейчас.

— Да.
— Сколько у нас времени?
Кет посчитал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.